

очарование

ДЖО БЕВЕРЛИ

*Следи,
дерзнитеся!*

Компания плутов

Джо Беверли

Леди, берегитесь!

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Беверли Д.

Леди, берегитесь! / Д. Беверли — «Издательство АСТ»,
2007 — (Компания плутов)

ISBN 978-5-17-136693-3

У мужчин семейства Кейв – ужасная слава. Поколения не проходит, чтобы какой-нибудь представитель этого знатного рода не запятнал себя жутким скандалом, а то и не сошел с ума. Но герой наполеоновских войн Горацио Кейв, виконт Дариен, намерен восстановить репутацию своей опороченной семьи. А для этого нужно обручиться с блестящей Теа, леди Дебенхейм. Как? Для начала сойдет и небольшой, почти невинный шантаж. А потом решительный виконт намерен пустить в ход свое незаурядное мужское обаяние...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-136693-3

© Беверли Д., 2007
© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	42
Глава 11	50
Глава 12	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джо Беверли Леди, берегитесь!

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Jo Beverley
LADY BEWARE

Перевод с английского *И. Родина*

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

© Jo Beverley Publications, Inc., 2007

© Перевод. И. Родин, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава 1

Лондон, май 1817 г.

Изогнувшись, леди Тея Дебенхейм освободилась от пышного зеленого платья и нетерпеливо потребовала:

– Принеси другое, Харриет, и поторопись! А это приведи в порядок.

– Но это же свекла, миледи! – едва ли не простонала горничная и осторожно, словно ребенка, приняла платье, все в бордовых пятнах.

– Да, знаю, но уверена, что ты сумеешь сотворить с ним чудо. Подай другое, пожалуйста.

– Какое именно?

– Мне все равно!

Конечно, это было совсем не так. Тея повернулась и оглядела себя в трюмо. Нижнее белье у нее всегда соответствовало по цвету платью, поэтому сейчас оно все – от оборок на корсете до нижней юбки – было зеленым.

– Найди что-нибудь подходящее по цвету ко всему этому.

– Но, миледи, ничего такого нет...

Тея покусала костяшки пальцев, увидела, что на ней все еще шелковые зеленые перчатки, и тут же их стянула.

– Тогда любое, но лучше из тех, что я еще не надевала.

Харриет исчезла за дверью гардеробной.

Тея опустила взгляд, увидела зеленые бальные туфли и крикнула вслед горничной:

– И найди туфли в тон!

Атласные туфли сидели как вторая кожа, и надо было нагнуться, но это ей не удалось из-за жесткой планшетки в вечернем корсете. Это приспособление вообще не позволяло согнуться в талии. Проклятая планшетка и проклятый Афхейм! Перед этим важнейшим вечером она чувствовала себя закованной в латы, но того требовал самый изысканный туалет из ее гардероба.

В соответствии с последней модой вырез у платья был чрезвычайно низкий, что и стало причиной настоящей катастрофы. Маркиз Афхейм так увлекся созерцанием ее бюста, что не заметил, как наклонил свою тарелку и опрокинул маринованную свеклу ей на платье, откуда та благополучно скатилась на пол, заляпав все на своем пути.

Две дамы завизжали, и Тея едва удержалась, чтобы не составить им компанию. Платье было безнадежно испорчено, а ведь она надела его в первый раз!

И надо же такому случиться именно сегодня! Тея принялась мерить раздраженными шагами комнату, так что нижняя юбка шуршала им в такт.

Чтобы устроить бал, видимым поводом для матери было отметить помолвку брата Теи лорда Дариуса Дебенхейма с леди Марой Сент-Брайд. За праздничной мишурой скрывалась более важная цель: решить проблемы, возникшие у Дари.

Как он настрадался! В битве при Ватерлоо был тяжело ранен и даже попал в списки погибших, и вся семья целый год – долгий, полный ужаса год, – оплакивала его смерть. Оказалось, он выжил, но женщина, которая выхаживала его, давала ему слишком большие дозы опиума в течение длительного времени, так что в Англию он вернулся исхудавший, больной и наркотически зависимый.

Общими усилиями они смогли поставить его на ноги, и теперь Дари нашел свою любовь. Постепенно ему удалось снизить ежедневную дозу опиума до минимума. И вот теперь это! Судьба словно не могла смириться с тем, что он обрел счастье, по Лондону поползли слухи, что Дари вовсе не герой Ватерлоо, а дезертир, раненный при попытке сбежать с поля битвы.

Это была, разумеется, ложь! Все, кто знал Дари, это понимали, но никто не попытался публично опровергнуть гулявшие по городу сплетни.

Сам он почти ничего не помнил: ни самого момента ранения, ни того, что происходило потом. Страх, что эти сплетни могут оказаться правдой, вновь погрузил его во тьму.

Им требовались свидетели. В конце концов, это ведь было сражение, в котором участвовало множество людей, но складывалось впечатление, что поле битвы было затянуто дымом, сражение распадалось на отдельные фрагменты, и каждый воин был сам за себя.

Пришлось всем Девенхеймам сплотиться, выступить единым фронтом и воспользоваться любой возможностью, которую обеспечивало их безмерное влияние. Этот спешно устроенный бал стал вызовом, который они бросили в лицо высшему обществу: мол, приезжайте к нам и продемонстрируйте, что вы не верите в этот бред, или оставайтесь в стороне, но тогда вы нам больше не друзья.

Конечно, приехали все, кто хоть что-то значил. Герцог и герцогиня Йовил обладали большим влиянием, помимо того, что пользовались всеобщей любовью и уважением. Приехали все, однако Тея ощущала, а иногда до нее доносились вопросы, которые невозможно было спрятать за улыбками.

Могла ли эта история быть правдой? В конце концов, лорд Дариус был не профессиональным военным, а джентльменом, добровольцем. Возможно, жуткая бойня действительно оказалась для него слишком сильным испытанием... Может, поэтому он так долго не возвращался домой и причинил их бедной матери столько горя...

Может, по этой причине он все еще употребляет опий? Из чувства вины?

Тея смеялась, танцевала и флиртowała с молодыми джентльменами, чтобы показать всему миру: семья Дари не испытывает никаких сомнений на его счет, но несчастье, казалось, реяло в воздухе. И вот теперь она здесь, на другой половине дома, стоит в одном нижнем белье.

– Харриет!

– Иду, миледи!

Горничная торопливо вышла из гардеробной с темно-красным атласом, свисавшим с рук, соответствующего цвета корсетом и туфлями.

– О! – воскликнула Тея. – Это!

Приехав в Лондон к открытию нынешнего сезона, она узнала, что ее прозвали Великой Недотрогой за якобы холодность, отстраненность и надменность. Но это так несправедливо! Разве стоило удивляться, что она не бросилась очертя голову в светские развлечения в свой первый сезон 1815 года, когда вернувшийся Наполеон снова стал истязать Европу, а Дари отправился на войну?

А прошлый год?.. Тогда случилось несчастье. Они продолжали считать брата погибшим, и участвовала она в сезоне лишь для того, чтобы хоть немного отвлечь мать от переживаний. Разве удивительно, что ей не удавалось быть веселой и легкомысленной? Что отвредила всех ухажеров?

Тею так уязвило данное ей прозвище, что она заказала несколько смелых туалетов. Зеленое платье было то, что надо, а вот красное – немного чересчур: она никогда не одевалась столь экстравагантно, – но сегодняшний вечер особенный, поэтому оно подойдет как нельзя лучше.

– Прекрасно! – Тея отбросила корсет на кровать. – Поменять его нет времени.

– Но у вас нижнее белье зеленое, миледи.

– Ничего, оно же под платьем. Поторопись.

Пробормотав что-то себе под нос, Харриет подняла платье над головой госпожи, та просунула руки в короткие рукава, и ткань стекла по ней как вода. Или кровь...

Господи! Она всмотрелась в свое отражение. Платье было сшито по последней моде: с завышенной талией – и облегло фигуру как вторая кожа. В зеркале она увидела, как глаза Харриет полезли на лоб.

– Немного чересчур, миледи, правда?

Горничной Теи было за тридцать, она работала у Дебенхеймов уже два года, но старалась воздерживаться от комментариев, так что это замечание было весьма показательным.

– Господи! – повторила Тея вслух.

– Могу принести другое, миледи...

– Нет времени. – Когда со шнуровкой было покончено, Тея опустилась на скамью. – Теперь туфли.

Харриет быстро сняла с нее зеленые, надела красные атласные бальные туфельки и затянула на них ленточки.

А Тея разглядывала себя в зеркале и отмечала несуразности. Ее жемчуга плохо сочетались с красным платьем, но других драгоценностей не было – они оставались запертыми в сейфе отца. Лента с белыми розами в волосах тоже не годится, и Тея принялась откалывать ее. Харриет быстро взяла дело в свои руки, и Тея, усевшись за туалетный столик, сказала:

– Придумай, что можно сделать с волосами.

Когда горничная уложила ее каштановые локоны, Тея еще раз осмотрела свое отражение. В красном платье ее молочно-белая грудь казалась еще полнее: высоко приподнятые корсетом, упругие полушария были выставлены на всеобщее обозрение. Может, переодеться во что-нибудь другое?.. Но Харриет уже прикрепила к волосам розовые бутоны с лентами.

И тут часы на каминной полке пробили одиннадцать раз. Одиннадцать! Тея поднялась, схватила веер, украшенный перламутром – также немислимый с красным платьем, но хотя бы совместимый с жемчугами, – и направилась к двери.

– Миледи! – в ужасе воскликнула горничная, заставив Тею резко обернуться.

– Что такое?

Харриет указывала на нее пальцем, и девушка, обратившись к трюмо, увидела узкую полоску зеленых кружев, назойливо выглядывавшую из-под низкого выреза красного платья.

– Надо поменять корсет, миледи.

– На это уйдет вечность. – Тея подтянула платье вверх, засунув корсет поглубже, покрутилась из стороны в сторону, чтобы все легло на свои места. – Сойдет и так.

– Миледи...

– Прекрати причитать, Харриет. Лучше займись зеленым платьем.

Глава 2

Девушка торопливо вышла в слабо освещенный коридор и направилась в сторону балльного зала, а повернув за угол, краем глаза увидела себя в зеркале с позолоченной рамой, которое освещал канделябр на стене. Полудюймовая зеленая полоска опять вылезла наружу.

Ну что ты будешь делать!

Положив веер на маленький столик перед зеркалом, Тея привела все в порядок. Боже, какое низкое декольте! Слишком откровенное! Еще чуть-чуть, и можно было увидеть даже круги вокруг сосков. Почему мода порой такая странная? Общество проповедует благопристойность и соблюдение приличий, но ожидает при этом, что леди будут одеваться в подобные наряды.

Она положила ладони на груди и подвигала плечами. Вроде бы теперь все в порядке, ничего никуда не сдвинется...

Что-то вдруг встревожило ее. Она обернулась и застыла от ужаса. Из глубины полутемного коридора за ней наблюдал мужчина: темноволосый, похожий на иностранца. Из-под тяжелых век он рассматривал ее с каким-то порочным удовольствием.

Тея вспыхнула, схватила веер, раскрыла и прикрылась как щитом.

– Кто вы, сэр? И что делаете на этой половине дома?

Если бы он ответил ей, это стало бы просто неловкой ситуацией, но он молчал.

А она не знала его.

Тея знала всех, у кого были резоны оказаться этим вечером в особняке Йовилов, и она ни в коем случае не забыла бы этого мужчину даже после самого краткого представления.

Он не отличался ни ростом, ни массивностью, однако его присутствие наполняло коридор атмосферой силы и воли. Ей даже показалось, что воздух стал разреженным. Свет канделябра сбоку от нее не достигал его, а следующий светился у него за спиной, так что она не могла определенно сказать, каковы черты его лица. Темный вечерний костюм свидетельствовал о богатстве, как и сверкавшая драгоценная булавка в галстук, но он наверняка не джентльмен, если позволяет себе смотреть на даму вот так, как сейчас.

Так кто же этот мужчина, который вторгся на хозяйскую половину дома, заставив ее сердце бешено колотиться?

– Сэр? – настойчиво повторила Тея.

– Мадам? – заговорил наконец мужчина удивительно мягким голосом, хотя и с насмешливой интонацией.

Неужели иностранец? Ну конечно! Это, должно быть, кто-то из новых дипломатов какого-нибудь посольства, которые порой почти не говорили по-английски и обладали странными манерами. Один персидский дипломат, например, то и дело приглашал дам присоединиться к его гарему.

– Вы заблудились, сэр? – спросила Тея, стараясь четко проговаривать слова. – Здесь личные покои хозяев.

Незнакомец вместо ответа шагнул к ней, и Тея резко отступила назад. У нее вдруг возникло желание громко закричать, но это было бы странно здесь, в родительском доме.

– Сэр... – снова заговорила она. Затем выбросила вперед руку в перчатке. – Стойте на месте!

К ее удивлению, мужчина подчинился. Паника отступила, однако теперь возникло другое затруднение. Ей страшно не хотелось стать причиной дипломатического скандала, но все ее инстинкты вопили в один голос: «Опасность!»

Тея махнула рукой в сторону коридора.

– Может, проводить вас в балльный зал, сэр?

– Благодарю, но я смогу найти дорогу и без вашей помощи.

Она так и замерла с вытянутой рукой.

У него был прекрасный английский.

– Тогда оставляю вас.

Тея хотела было продолжить путь, но мужчина заступил ей дорогу.

Она резко остановилась в футе от него, во рту пересохло. Невозможно, чтобы здесь ей что-то угрожало: ведь в доме полно народу, можно кликнуть слуг.

Поразмыслив, она поняла, что ни до кого не смогла бы докричаться: все ее родственники заняты гостями, как и большинство слуг, Харриет наверняка уже в прачечной: трудится над испорченным платьем. Ей вдруг стало понятно, что она оказалась одна в едва освещенном коридоре, в мертвой тишине, в компании совершенно незнакомого человека.

Всю накопленную за восемь столетий аристократическую властность Тея вложила в одно слово, произнесенное с ледяной интонацией:

– Сэр?

Мужчина склонил голову.

– Мадам, к вашим услугам. В полной зависимости от того, конечно, в чем состоит ваше желание.

Незнакомец слегка протянул это слово, «желание», а ей вспомнилось, как он разглядывал ее.

– Единственное, что мне сейчас нужно, это чтобы вы пропустили меня.

– Я же сказал, от чего это зависит.

– Вы хам и невежа, сэр. Прочь с дороги!

– Нет.

Она пристально посмотрела на него, собираясь проложить себе дорогу силой, но от него исходила такая мощь, что он справится с ней одной рукой.

– Что же, тогда придется найти обходной путь.

Тея развернулась и сделала несколько шагов, но незнакомец схватил ее сзади за платье. Она застыла на месте, от гнева перехватило горло, и поэтому проговорила хрипло и едва слышно:

– Вы что себе позволяете? Да вы знаете, кто я такая?

– Леди Теодосия Дебенхейм, полагаю.

Он ее знает?

– Это какая-то неуместная шутка? – возмущенно осведомилась Тея.

– Нет.

– Тогда как это понимать?

– Мне нужно поговорить с вами.

Она пару раз глубоко вздохнула, пытаясь вернуть самообладание.

– Отойдите от меня.

Удивительно, но мужчина подчинился. Ей страшно хотелось броситься наутек, но он легко мог тут же схватить ее, поэтому она решила держаться с достоинством и, повернувшись к нему лицом, развернула веер, чтобы, обмахиваясь им, попытаться унять разошедшееся сердце.

При ближайшем рассмотрении она увидела, что лицо у него почти красивое, если не обращать внимания на холодную суровость, но заметила и изъяны: слегка искривленный нос, наверное, после удара в драке, и несколько мелких шрамов.

Этот человек был явно не только знаком с опасностью, но и нес ее в себе, а значит, как при встрече с диким зверем нельзя показывать свой страх.

– Я не знакома с вами, сэр, – заявила Тея. – Откуда же вам известно, кто я?

– Вы очень похожи со своим братом, а с ним мы учились в одной школе.

Страх понемногу отступил.

– Вы один из «балбесов»? – уточнила она.

Кое с кем из друзей Дариуса ей довелось познакомиться: это была группка молодых людей, которые сами называли себя «балбесами», – но вот так себя вести они вряд ли могли.

– Нет, – ответил он коротко, и она опять встревожилась.

– Кто бы вы ни были, ваш возраст не позволяет вести себя как школьник. Позвольте мне наконец пройти.

Мужчина высоко вздернул черные брови.

– А вам приходилось воевать со школьниками?

Тея с треском захлопнула веер.

– Прочь с дороги!

Он не сдвинулся с места.

– Меня хватятся, кто-нибудь непременно придет сюда за мной, и тогда вы получите то, чего заслуживаете.

– Это вряд ли.

Он что, улыбается? Коротко дернулся белый шрам в левом уголке его рта, а другой приподнял правую бровь. Он был по-настоящему опасен, и, несмотря на свое заявление, никакой уверенности она не чувствовала. Пройдет немало времени, прежде чем кто-то наведется в эту часть дома. Кричать тоже не имело смысла – вряд ли кто услышит.

Но страх показывать нельзя!

– Кто вы, сэр? И что вам от меня надо?

– Мое имя Горацио, и мне нужно с вами поговорить.

– Вы и так со мной говорите, хотя я не вижу в этом смысла.

– Зато как вздымается ваша грудь!

Тея взглянула вниз и, мысленно чертыхнувшись, подняла глаза на него.

– Говорите!

– Или замолчать навеки? Как кстати! Я к вам с предложением.

У Теи отвисла челюсть.

– Руки и сердца?

Темные брови опять приподнялись.

– А вы согласитесь?

– Конечно, нет! Все, достаточно. Позвольте же мне пройти, Горацио, или сильно пожалеете.

– Или сильно пожалеет ваш брат.

Эти слова действовали на Тею как ледяной душ.

– Вы сказали, что были ему другом.

– Любой, кто учился вместе с Дари Дебенхеймом, должен был обожать его, да? Однако ему нужны друзья именно сейчас – покалеченному, разбитому, с опиумной зависимостью.

– Он не...

– И обвиняемому в трусости.

– Это презренная ложь! – Она прищурилась. – Эти сплетни – ваших рук дело? Если да, тогда вы самый жалкий червь из всех, что ползают по земле.

– Вы часто имеете дело с червями?

Тея могла бы ударить его веером, но произведение искусства от этого развалилось бы на куски и не дало никакого эффекта. Тут и молоток бы не помог.

Мужчина поднял руку, давая понять, что готов извиниться.

– Никакого отношения к слухам я не имею, но ситуация такова, что даже бал, который устроила ваша мать для высшего света, не сможет оградить вашего брата от порочащих слухов. Вам нужен заслуживающий доверия свидетель, который опровергнет всю эту историю, либо она будет преследовать Дари всю жизнь.

– Вы думаете, мы этого не понимаем?

– Порой приходится объяснять очевидное.

– И это доставляет вам удовольствие. – Заявление было необдуманным, но, похоже, попало в точку. – Вы желаете зла Дари, но почему?

– В самом деле? Как, наверное, хорошо оказаться на его месте. Единственное удовольствие, которое я могу вынести из создавшейся ситуации, это позволить себе исправить ошибку.

Тея не поверила ни единому его слову.

– Зачем?

– Ради соответствующего вознаграждения.

– А, деньги, – сказала она как выплюнула.

Мужчина криво усмехнулся.

– Леди Теодосия, с презрением к деньгам относятся только те, кто никогда не испытывал в них недостатка.

Это была самая странная встреча в ее жизни, но перед ней забрезжил выход, хотя ей почему-то было неприятно, что этот человек подтвердил низменность своей натуры.

– Итак, сэр, что вы готовы предложить? И за какую цену?

Никаких признаков обиды с его стороны.

– Я объявлю во всеуслышание, что видел, как под вашим братом убило лошадь в самый разгар атаки, а не во время бегства. Другими словами, сплошное благородство.

У нее подпрыгнуло сердце, но Тея постаралась сохранить спокойствие.

– А это правда?

– Это важно?

Станный вопрос, но цели достиг. Для того чтобы избавить Дари от тяжелой ноши, она готова поверить в ложь, если дело только в этом.

– А вам поверят? Это очень важно.

Он кивнул.

– Я участвовал в том сражении.

Военный! Ну конечно! Это не сделало его менее опасным, но по крайней мере все стало понятно. Всю взрослую жизнь ее окружали офицеры разных званий и родов войск, но все отмеченные одной печатью, даже самые легкомысленные и беззаботные. Они словно заглянули в глаза смерти. На этом человеке та печать была особенно заметна, но не делала более заслуживающим доверия, хотя осознание этого и ослабило беспокойство. Он знал, что ее семья очень богата, так что это будет обычная сделка.

– Итак, назовите вашу цену.

– Брак. Выходите за меня, и про вашего брата никто больше не скажет ни одного дурного слова.

Глава 3

Тея рассмеялась.

– Вы это серьезно?

– Неужели вам безразлична судьба брата?

Хоть сама идея и казалась нелепой, она все же ответила:

– Боюсь, такая жертва ляжет тяжким бременем на его плечи – пожертвовать свободой ради него.

– А вы сделайте вид, что обожаете меня, и он никогда ни о чем не узнает.

– Вы преувеличиваете мои актерские способности, – заметила она сухо.

– Неужели я настолько ужасен?

Он что, издевается над ней?

– Вы... Да вы неотесанный мужлан, жалкий грязный лгун и жадная свинья...

Что-то в его лице заставило ее прикусить язык, а он спокойно возразил:

– И вовсе не жалкий.

Тея помолчала и почти мирно спросила:

– А то, что сумасшедший, будете отрицать?

– Могу притвориться нормальным, если постараюсь.

– Тогда начните прямо сейчас.

– Мне казалось, я был предельно откровенен: брак ради доброго имени Дариуса Дебенхейма.

– Моя семья может проявить благодарность другим способом.

Показалось, что он расслабился, даже стал дружелюбным, но все равно смотрел на нее как хищник на свою жертву, которую зажал в когтях.

Тея снова принялась обмахиваться веером и попыталась подстроиться под его манеру держаться.

– Таких, как вы, пяточок пучок, сэр, поэтому мы просто найдем такого, который согласится сделать то же самое за разумное вознаграждение.

Он рассмеялся.

– Это, вероятно, единственный раз, когда кто-то из Дебенхеймов пытается торговаться. Я товар высшего качества, а потому дорог, миледи.

Тея снова попыталась его обойти, но на сей раз он взял ее за руку. Его жесткая ладонь, горячая и сильная, легла на открытое место между перчаткой и рукавом, и она вздрогнула.

– Хорошо, пусть не брак...

Тея повернулась к нему так, что их лица оказались совсем близко.

– Это вы о чем?

Он что, рассчитывает на... Но это невозможно! Поставить все на кон ради благополучия Дари?

– Что вы имеете в виду? – все же решила она потребовать разъяснений.

– Помолвка, – сказал он спокойно.

Тея едва не задохнулась:

– Что? Да вы и вправду не в себе!

Он продолжил, не обращая внимания на ее возмущение:

– Если я восстановлю доброе имя вашего брата, вы сами объявите о помолвке со мной. Публично.

Тея открыла рот, чтобы возразить, но он приложил палец к ее губам.

– Не впадайте в панику. Вам не придется проходить через все перипетии, но помолвка должна продлиться по меньшей мере полтора месяца.

Она вырвалась от него и воскликнула:

– Вы наглец!

– А вы чересчур впечатлительны. Подумайте как следует. Помолвка продолжится всего полтора месяца – ничто по сравнению с всеобщим осуждением.

– А потом, по истечении этого срока?

– Отправите меня куда подальше, закатив на прощание скандал.

– Вы рассчитываете на расторжение помолвки?

Его лицо осветилось улыбкой, на худых щеках обозначились борозды.

– Это вас смущает?

– Конечно! Джентльмен, который бросает даму, – ничтожество, но если дама бросает джентльмена – она не может считаться леди, если только не существует веской и уважительной причины. Вы обеспечите меня таковой, чтобы мне не пришлось выходить за вас замуж?

Улыбка стала кривой.

– Это почти неизбежно. Итак, вы согласны?

– Конечно, нет. Если вы действительно видели, как Дари упал, ваш долг объявить об этом без всякого вознаграждения.

– А если я говорю неправду?

– Тогда ваше слово ничего не стоит.

– Ложь, миледи, может стоять целое состояние. – Он отступил на шаг, освобождая ей проход. – Похоже, наша дискуссия подошла к концу.

Ей хотелось как можно быстрее уйти отсюда, но Тея вдруг осознала, что не может. Правда или нет, но она поверила, что этот человек способен повлиять на будущее Дари.

Сама по себе помолвка не представляет собой чего-то ужасного, если он не потребует большего.

Тея так и не поняла, кто он, поэтому спросила:

– Вы кто?

– Тот, кто может восстановить доброе имя вашего брата.

– Я имею в виду ваше полное имя?

– К чему такие мелочи? Я прошу не слишком много за огромную услугу, и вы готовы согласиться.

Ей хотелось сказать ему «нет», но она не могла.

– Может, вы вообще никто.

– Уверяю вас, я все-таки кто-то.

– Вы поняли, о чем я.

– Конечно. Статус не позволяет вам снизойти до брака с каким-нибудь торговцем.

– Более того, никто в это не поверит. Если вы станете свидетельствовать в пользу Дари, а потом я пообещаю выйти за вас, ваше полное несоответствие в качестве мужа дочери герцога разрушит все.

Он по-новому посмотрел на нее.

– Я просто обожаю женщин с ясным умом. Вам ни о чем не говорит мой отлично сшитый костюм и модная стрижка?

Тея внимательно оглядела его, отметив прекрасное качество темного вечернего костюма и блеск оправленного в золото изумруда на ослепительно белом шейном платке.

– Вы похожи на богатого торговца.

– И вы ни за что не опуститесь так низко?

– Я же сказала: это будет выглядеть весьма неправдоподобно! – Раздался бой часов. – Господи, сколько времени пролетело? Я должна вернуться к гостям. Завтра мы продолжим разговор.

– Сейчас или никогда. Откажетесь, я тут же покину этот дом, и вы больше меня не увидите.

В смятении она уставилась на него.

– Это несправедливо.

– Жизнь редко бывает справедливой.

– Скажите наконец, кто вы!

– Нет.

– Ну хотя бы вы джентльмен?

– Да.

– Уважаемый и почтенный?

– Да.

Тея понимала, что задавая такие вопросы, фактически признает, что готова принять его предложение. Именно так, как он самоуверенно предсказывал. Заманил ее в сети, и теперь она беспомощно трепыхается, как обессиленная форесть.

Он почтенный джентльмен, военный, довольно привлекательный, хотя и на свой суровый манер. Хотя его поведение и ужасало, было видно, что он мог вести себя лучше, если бы захотел. В их помолвку могут поверить, даже воспринять ее вполне благосклонно.

Но зачем это ему? Какой во всем этом смысл?

– Что вам даст эта помолвка? – поинтересовалась Тея.

– Полтора месяца в компании такой обворожительной леди разве не достойная награда за сушью малость?

Он встретил ее изучающий взгляд, не проронив ни слова.

Тея пыталась найти в чертах этого лица проявление хоть каких-то эмоций: возможно, слабости или сиюминутного сострадания, – но ничего не увидела. Зато весь его облик свидетельствовал о несгибаемой воле. Он поставил ее перед выбором и не уступит. Оставался только один ответ, который позволит ей спокойно спать.

– Если вы сделаете то, что обещали, я готова принять ваше предложение.

Увидев блеск триумфа в его глазах, Тея добавила:

– Но это все.

– За исключением поцелуя, чтобы подтвердить сделку.

– Это не входит в условия договора, – возразила Тея и чуть отступила, но когда он взял ее руку, сопротивляться не стала.

Он медленно поднес руку к губам, поцеловал сначала кончики пальцев, потом костяшки, при этом черные глаза, не отрываясь, смотрели на нее. Прикосновение его губ было едва ощутимо через шелк перчаток, но Тея затрепетала.

Когда он взял ее за плечи, возникло ощущение, что ее словно гипнотизируют, как змея свою жертву. Интересно, жертве так же хочется оказаться в плену, как ей?

Она была в шоке от самой себя, однако их противостояние, одна воля против другой, всколыхнуло в ней страсть, которой требовалась кульминация, какое-то финальное крещендо. Когда он прижал ее к себе и потянулся к губам, она покачнулась, а когда ощутила их прикосновение, тихо застонала.

– Вам ведь это нравится, миледи, не так ли?

– Н... нет. Вы не должны...

Его губы опять коснулись ее губ, очень коротко, но ее охватил жар.

– Ложь приведет тебя прямоком в адское пекло. Только скажи, и я остановлюсь, и будем считать нашу сделку заключенной.

Ей хотелось бы возразить, но того, что произошло, ей действительно было недостаточно.

Он это понял и крепко прижал ее к своему сильному телу. Его уверенность в себе потрясла ее. Она подняла на него глаза, приоткрыв рот от изумления, понимая, что готова просить пощады, но в этот момент он завладел ее губами и вторгся в рот языком.

Тея попыталась вырваться, но поняла, что оказалась в ловушке. Ей уже никуда не деться, да и не хотелось. Внутри бушевала буря чувств. Опасность! Волнение! Страсть!

Она запустила пальцы ему в волосы, сожалея, что на руках перчатки, и прильнула к нему вдруг задрожавшим телом.

Может ли поцелуй длиться вечно? Теперь все ее тело охватила боль неудовлетворенности, ее закружил водоворот чувств.

Но поцелуй вдруг прекратился, он высвободился из ее требовательных объятий, потом медленно отстранился. И Тея вдруг испугалась, что рухнет на пол без его поддержки. Ею овладела слабость и дрожь, как будто внезапно слегла с лихорадкой, и, сделав шаг назад, она прислонилась спиной к стене. Сердце неистово колотилось. Судорожно вздохнув, она посмотрела на него.

– Таким образом, – подвел он итог произошедшему, тоже с трудом переводя дыхание, – мы можем считать себя помолвленными.

Она нервно сглотнула, прежде чем заговорить:

– Ну а теперь скажешь, кто ты?

Тея поймала себя на мысли, что, может, не так уж и плохо быть его невестой, а если уж женой...

– Виконт Дариен к вашим услугам, миледи.

У него есть титул? Тогда почему она не знакома с ним?

Затем вдруг все встало на свои места, и, оттолкнувшись от стены, Тея воскликнула:

– Ты сказал «уважаемый и почтенный».

– И это правда.

– Но ты из Кейвов?

Это семейство пользовалось дурной славой: недаром в переводе с латыни их фамилия означала «Берегись!».

В панике она замотала головой:

– Я не могу обручиться с Кейвом!

– Сделка заключена.

Он повернулся и пошел прочь, а она крикнула ему вслед:

– Нет, не заключена!

Он сделал вид, что не услышал, и она ринулась за ним.

Нет! Это невозможно! Она помолвлена с Кейвом? Она только что целовалась с Кейвом?

Тея с отвращением вытерла губы. Кейвы прославились как злодеи и беспутные негодяи во всех поколениях и на каждом ответвлении родословного дерева. Не так давно один из них изнасиловал и убил молодую леди в Мейфэре, но вместо того чтобы оказаться на виселице, попал в Бедлам, где и останется до конца своих дней.

«Данное мною обещание выполнить невозможно», – с отчаянием подумала Тея. Свидетелей не было. Никто ничего не знает, кроме них двоих. Пусть ее отступничество достойно презрения, но не сравнится с его ложью и мошенничеством. Ей нужно было догадаться. Она с самого начала чувствовала, что с ним что-то не так.

Так что же теперь делать?

От страха Тея была готова убежать в спальню и спрятаться под кроватью. Можно притвориться больной, что угодно придумать, только не появляться в бальном зале.

Интересно, а где сейчас Кейв?

Боже милостивый, ведь ему может прийти в голову самому объявить об их помолвке в его отсутствие. Это, конечно, абсурд для любого джентльмена, но он ведь из Кейвов!

Тея поняла, что нужно делать. Глубоко вздохнув, чтобы вернуть самообладание и уверенность в себе, она расправила плечи и с гордо поднятой головой направилась в бальный зал.

Глава 4

Горацио Кейву, виконту Дариену, ни о чем не хотелось думать, не хотелось ничего анализировать, но то, что сейчас произошло, требовало незамедлительных действий. Он завоевал приз, за которым пришел сюда, и теперь осталось взять его в руки.

Дариен появился на балу герцогини Йовил с одной целью – обзавестись высокородной союзницей в его кампании по восстановлению доброго имени своей семьи. Намеченной целью была сама герцогиня, но обстоятельства сыграли в его пользу: ему стала известна история ее сына лорда Дариуса Дебенхейма. Достаточно заслужить благодарность матери, и она станет в его руках мягкой как воск.

Он целый день смаковал мысль, как сделает Дебенхеймов своим орудием. Семья человека, которого он терпеть не мог, станет послушным орудием в его руках. И Дари Дебенхейм признает это публично, на глазах всего Лондона, точно так же, как он когда-то разрушил жизнь мальчишки, публично на глазах у всей школы.

Но все получилось намного лучше. Вместо того чтобы вынудить мать выказывать ему признательность, он заполучил сестру для того, чтобы та сделала вид, будто влюблена в него, и даже закрепил их договор поцелуем.

Этот поцелуй...

Дариен сообразил, что остановился, не дойдя до бального зала, откуда неслась музыка, громкая, восхитительная, ритмичная. Зал заполняла затянутая в шелка публика, сиявшая драгоценностями. Все болтали, перемещались туда-сюда, и каждый прекрасно понимал, какое место занимает в центре этого избранного кружка.

И никто не догадывался, что в самой сердцевине расположился враг.

Впрочем, не совсем так: кое-кто его уже узнал, когда он обходил зал в поисках лорда Дариуса.

Виконт приехал сюда одним из последних, понадеявшись, что его не опознают, но тут, конечно, уже присутствовали те, кто был знаком с ним по службе в армии. Кое-кто из них с радостью приветствовал бы его при других обстоятельствах, но не здесь, где его имя и титул вызывали отвращение.

Он мысленно проклял своего отца и старших братьев, дядю и деда, и все поколения Кейвов, которые жили, оправдывая свое имя, потом смешался с толпой, продолжив поиски Дебенхейма. Ему нужно было сделать все до того, как леди Теодосия соберется с мыслями. Как только он разыграет свою партию, ей будет трудно уклониться от исполнения долга.

Он переступил порог шумного, полного гостей бального зала и отошел в сторону, чтобы не перекрывать собой двери. Его предыдущие поиски не увенчались успехом, и он вдруг подумал, что Дебенхейм мог сильно измениться с тех пор, когда Дариен видел его в последний раз, перед битвой у Ватерлоо: после тяжелого ранения он основательно подсел на опиум.

Пришлось Дариену возобновить поиски, но уже начать с «балбесов», как называли себя юнцы из Харроу.

Как бы ужасно не выглядел сейчас лорд Дариус Дебенхейм, кто-то из «балбесов» обязательно поможет его найти, потому что наверняка крутится рядом. Они всегда поддерживали друг друга.

Если бы он сразу это сообразил, тогда, возможно, его не застал бы врасплох вид кое-кого из них и не пришлось бы сбегать на заднюю половину дома.

Сначала Дариен увидел виконта Амли: они встречались с этим коренастым черноволосым мужчиной в Брюсселе, тогда тот, вернувшись в армию, делил постой с другом Дариена, капитаном Джорджем Вандейменом. К сожалению – «балбесы» липнут к «балбесам», – Дебен-

хейм занимал ту же квартиру. Это означало, что Дариен не мог проводить так много времени с Вандейменом, как хотелось. Еще один грех в зачет «балбесам».

Рядом с Амли он увидел атлетического сложения светловолосого мужчину. Потребовалось мгновение, чтобы узнать в нем маркиза Ардена, наследника герцогства Белкрейвен. Надменный мальчишка теперь превратился в мужчину. В свое время он заявился в Харроу с собственной свитой из слуг.

Сложилось мнение, что «балбесы» организовались для того, чтобы защищать друг друга. Интересно, почему именно Ардену потребовалась такая защита? Нет, это было элитное собрание высокородных и властных отпрысков, которые не смешивались с теми, кого считали ниже. Дариен ненавидел эту их нутряную сущность.

Рядом с Амли и Арденом стоял мужчина, которого он опознал только по особому цвету волос – черных с рыжеватым отливом. Это был Саймон Сент-Брайд, недавно ставший виконтом Остри, наследником графства Марлоу. В руки «балбеса» упало приличное состояние.

Наблюдая за группкой уверенных в себе, вальяжно державшихся мужчин, Дариен почувствовал, как на него волной нахлынули воспоминания из далекого прошлого. Школа Харроу! Наихудшее время в его суровой жизни. Все из-за «балбесов», и прежде всего из-за Дариуса Дебенхейма, будь он проклят!

Из-за него он и сбежал из зала. Внешне это никак не походило на бегство: походка оставалась спокойной и уверенной, но внутри он мчался, задыхаясь, как это было однажды в школе. И Дариен ненавидел себя за это. Он даже не заметил, куда и как попал, пока не увидел сестру Дебенхейма, явно чем-то расстроенную. И в тот же миг у него сложился план идеального отмщения.

Она оказалась куда привлекательнее, чем Кейв мог представить, не говоря уже о смелости, сообразительности и явно недюжинном уме. И хотя красное, как кровь, платье воспринималось предостережением, он сумел убедить ее. Теперь оставалось только найти Дебенхейма, чтобы утвердить свою победу.

Куда он, к дьяволу, подевался? Это ведь бал в честь его помолвки – во всяком случае, так значилось в приглашениях. А что, если недруг уже уехал? Что, если он настолько слаб, что не выдержал долгого пребывания в душном зале? Надо это выяснить.

Идея пришла в голову неожиданно, а он плохо подготовился. Сведений будет ноль.

К дьяволу! Что теперь делать? Он мог бы рассказать свою историю, но ему хотелось встретиться с ним лицом к лицу и заставить Дебенхейма просить пощады у пса Кейва. Может, уехать и вернуться завтра? Нет, надо это сделать до того, как его сестра получит шанс воспрепятствовать ему.

Закончился танец, толпа переместилась ближе к стенам, и тут Дариен увидел его!

Так вот почему так долго не удавалось его отыскать! Где тот ущербный калека, что жизни не мыслит без опиума?

Дариус Дебенхейм вальяжной походкой продефилировал через бальный зал, с улыбкой на лице, не спуская глаз с очаровательной брюнетки, повисшей у него на руке и с обожанием взиравшей на него. Его хромота была почти незаметна, а шрамы, если и имелись, затянулись, фигура подтянулась и явно обрела силу. Весь его облик свидетельствовал о довольстве, лицо аж светилось от счастья!

Прямо-таки не Дариус, а Теофил – любимец Господа.

Дариен едва не сплюнул. Ладно. Посмотрим, как он будет улыбаться, когда позор затянется у него петлей на шее.

Уходить рано. У Дариена было достаточно оснований, чтобы решиться восстановить репутацию своей семьи. Уйди он сейчас – и «балбесы» опять будут в выигрыше.

Итак, загадаем. Если сейчас Дебенхейм посмотрит на него так, словно никогда не видел, или, того хуже, как на прокаженного, брезгливо скривившись, тогда Дариен оставит его вариться в собственном соку. Если же нет – доведет свои партии в игре до конца.

Развернувшись, с самым радушным видом он двинулся навстречу парочке.

Дебенхейм часто заморгал, явно пытаясь рассмотреть его издалека, а потом вежливо улыбнулся.

– Канем!

Только они, «балбесы», называли его так: «Канем Кейв», – что служило предупреждением: «Берегись пса!» И снова боль и гнев из школьных времен взорвались в груди. Проклять! Тем более что именно Дари Дебенхейм придумал эту жестокую шутку.

– Кейв Канем! – повторил Дариус со смехом, опять превратив виконта Дариена в мальчишку для издевательств.

Все, достаточно! Что загадал, то и выпало, и Дариус должен заплатить. Кейв сообщил своему врагу добрые новости, даже поделился радостью с парой офицеров, оказавшихся рядом, а больше здесь оставаться не было смысла: сплетни в Лондоне распространяются со скоростью пожара.

Глава 5

Тея смешалась с толпой гостей, стараясь мило улыбаться, чтобы не выдать бури, бушевавшей внутри, и тревожно ловила сигналы драмы или несчастья. В воздухе явно что-то носилось, какой-то диссонанс.

Что предпринял этот человек?

Гости улыбались ей, приветливо кивали или говорили комплименты насчет бала. Если бы он объявил об этой идиотской помолвке, кто-нибудь не удержался бы и хоть что-то сказал. Или нет?

Вдруг это была просто дурацкая выходка? Может, он решил посмеяться над ней и никаких сведений о Дари у него нет? Может, он вообще не из Кейвов?..

Ярко вспыхнула надежда, но стыд быстро загасил ее. Если это была игра, то груз подозрений будет по-прежнему давить на брата.

Тея больше не могла выносить неизвестность: надо срочно найти либо Дари, либо Дариена и выяснить, произошло ли здесь что-нибудь в ее отсутствие.

– Какая трагедия! – Вдруг услышала Тея и, обернувшись, увидела леди Суиннеймер.

– Что-то случилось?

– Ваше бедное платье, леди Тея! Оно ведь совершенно испорчено, я уверена.

Она чуть не сказала: «А это...» – чем могла бы посеять подозрения, хотя сухопарая сплетница Суиннеймер была достаточно проницательной и без дополнительного горючего.

– С ним не так все плохо, надеюсь, хотя и досадно. Прошу меня простить, нужно срочно найти брата.

– Лорда Дариуса? – проворковала леди Суиннеймер. – Больше никаких проблем, надеюсь?

Тея ослепительно улыбнулась.

– Все как раз наоборот.

В надежде, что старая дама подавится ее улыбкой, она быстро пошла прочь, но тут же резко остановилась. Неужели кто-то потрясенно произнес: «Кейв»?

Оглянувшись, Тея увидела лишь натянутые дежурные улыбки. Она сходит с ума! Надо найти кого-нибудь из тех, кто заслуживает доверия, чтобы поговорить откровенно.

Девушка двинулась дальше, теперь отчетливо ощущая напряжение, повисшее в воздухе. Вот какая-то дама отвела взгляд в сторону, и возможно, с притворной улыбкой. С вызовом взглянув на лорда Шепстоуна, она заметила, что молодой человек залился краской. Она шла не останавливаясь, чтобы не дать пищи для разговоров, пусть ей и хотелось сейчас провалиться в дырку в полу. Ей еще никогда в жизни не было так неудобно среди представителей высшего общества.

Оглядев танцующих, Тея не увидела никого из родственников и быстро прошла через анфиладу примыкавших к залу комнат, где тоже было полно народу. Все ей улыбались, но кое-кто странно на нее поглядывал. Или ей кажется? Она кивала знакомым, но никто не вызывал в ней желания поговорить по душам.

И тут она заметила кузину Мэдди, которая в типичной для себя манере флиртовала сразу с тремя офицерами в парадных мундирах. Белокурая и полная жизни, она постоянно кого-нибудь завлекала, и у нее была слабость к военной форме. Мало того, что кузина всегда знала, где и что происходит, она была кладезем всяких секретов.

Словно случайно, Тея присоединилась к их компании и спустя несколько минут, поболтав, обратилась к офицерам:

– Джентльмены, если это не разобьет вам сердца, я ненадолго заберу у вас Мэдди. Еще увидимся, господа, не скучайте.

Офицеры безропотно приняли отставку, но кузину обмануть было трудно.

– Что стряслось? – спросила Мэдди, как только они остались одни.

– Да вот хотела спросить почти то же самое: ничего не произошло, пока меня не было?

– Тебя не было? – Тут она заметила, что Тея переоделась. – Зачем ты поменяла платье?

– Афхейм уронил на меня свеклу. Ты не знаешь, где Дари?

– Нет, но совсем недавно видела его среди танцующих. Что все-таки случилось?

Тея не знала, что сказать. Мэдди явно не слышала ничего шокирующего, а она еще была не готова обсуждать свои последние приключения.

– Мне показалось, на меня как-то странно смотрят.

– Ничего удивительного: у тебя корсет торчит.

Тея опустила взгляд и поспешно прикрыла рукой этот ужас. Так вот в чем дело! Незаметно подтянув платье вверх, она сказала:

– Надо пойти переодеться.

– Глупости! Ты в нем порочна и соблазнительна.

– Но я не хочу выглядеть такой!

– Каждая женщина об этом мечтает, и это платье как раз идеально подходит для соблазнения. Не думала, что в красном ты будешь так хороша. Это от мадам Луизы?

– Нет, от миссис Фортеस्कю.

– Надо будет заглянуть к ней, хотя моя фигура не создана для такого обтягивающего фасона. Увы, надо как-то справляться с моим избытком.

– У тебя прекрасно это получается.

Это можно было расценить как предостережение, но Мэдди лишь усмехнулась.

– Именно, ведь так? Но тебе грех жаловаться: мужчины к тебе просто липнут.

– Гарантией тому мое положение в обществе и богатое приданое.

– У меня тоже есть и то и другое, но я предпочитаю привлекать только тех мужчин, которые не могут устоять перед моим очарованием. О, перестань так смотреть на меня, Великая Недотрога.

– Прекрати так меня называть!

– А ты прекрати так на меня смотреть.

Они с Мэдди относились друг к другу как сестры. Отец кузины, адмирал, очень редко бывал дома, поэтому все его семейство проводило много времени в Лонг-Чарте, поместье герцога Йовила в Сомерсете. Как это бывает между сестрами, они порой ссорились, но чаще всего это происходило из-за излишне смелого поведения Мэдди с молодыми людьми, в основном офицерами. Тея пыталась ее приструнить, кузина сопротивлялась.

– Ты слышала, Кейв здесь? – вдруг спросила Мэдди.

Рассчитывая, что покрасневшее лицо можно будет выдать за проявление тревоги, Тея ахнула:

– О нет! Правда?

Глаза Мэдди засверкали.

– Восхитительно тревожно! Как считаешь? Новый мерзкий виконт. Мама уверена, что всех нас убьют или того хуже. Как ты думаешь, что хуже: быть изнасилованной или убитой?

– Мэдди! – возмутилась Тея, оглядываясь по сторонам убедиться, что их никто не слышит. – Как он выглядит?

– Я еще не видела его, но уже за ним охочусь.

– Как ты можешь за ним охотиться, если не знаешь, как он выглядит?

– Он темный и похож на демона – так его описала Алесия. Ей на него указали, и теперь ее колотит дрожь. Марчемптон знаком с ним, – сказала она, упомянув одного из компании офицеров, с которыми кокетничала. – Он очень похож на иностранца, потому что его мать – итальянка. Таких тут очень немного, тем более с рогами, хвостом и в облаке запаха серы.

– Мэдди...

Кузина расхохоталась.

– Ладно. Алесия иногда бывает такой смешной! Калли, кстати, Кейва обожает.

Калли – это лейтенант Клаудиус Дебенхейм, брат Мэдди.

– Слепое поклонение герою. Говорит, что Кейв ужасал даже самых бесстрашных, а временами просто впадал в безумие.

– И это вызывает обожание?

Сомнений не оставалось: Тее пришлось распрощаться с надеждой, что та встреча была всего-навсего шуткой.

– Они даже называли его бешеным псом, – не скрывая удовольствия, сообщила Мэдди. – А вслед кричали: «Канем Кейв!» – что значило: «Берегись пса!»

– О боже!

– Он давал выход безумию только в сражениях с французами. Тея, когда ты стала такой неженкой?

Девушка взяла себя в руки.

– Этим вечером все кажется немного чрезмерным. – Теперь ей хоть стало кое-что понятно. – Мне нужно найти Дари.

– О нем есть кому позаботиться, – усмехнулась Мэдди.

Тея фыркнула. Если она изводила кузину насмешками из-за фривольного поведения с офицерами, то Мэдди называла ее курицей-несушкой из-за того, что она чересчур опекает брата. Тея и сама понимала, что за то время, пока они с матерью выхаживали Дари, стала слишком навязчивой, как, впрочем, и мать.

– У меня есть причина срочно поговорить с ним.

Мэдди прищурилась.

– Ты что-то скрываешь. Расскажи.

Тея произнесла то, что моментально разожгло ее любопытство:

– Нет!

Мэдди схватила ее за руку.

– А ну-ка говори! Что случилось?

– Не могу. По крайней мере, сейчас. Это скорее всего пустяки, но мне нужно найти Дари, просто чтобы убедиться в этом.

– Ну хорошо. Только я пойду с тобой. – Мэдди взяла ее под руку. – И гляди в оба, чтобы не пропустить темного демона. Я хочу познакомиться с этим страшным и ужасным Кейвом.

Мысль, что ей придется познакомиться Мэдди с этим человеком, не вдохновляла.

Не успели они подойти к дверям в бальный зал, как навстречу им буквально вылетел светловолосый офицер в алом парадном мундире с золотыми аксельбантами и во всеуслышание заявил:

– Дари вне подозрений! Канем Кейв утверждает, что собственными глазами видел, как под ним убили коня в самой гуще битвы. Больше нет никаких вопросов.

Люди вокруг зашушукались.

– Просто замечательно! – воскликнула Мэдди.

– Чудесно! – искренне поддержала ее Тея, однако сердце вдруг оказалось где-то возле горла, перекрыв доступ воздуха.

– Канем Кейв? – переспросила Мэдди. – Он имеет в виду Кейва, виконта Дариена?

– Кого же еще? Он сказал, что Дари герой! – ответил ей Калли, специально повысив голос, чтобы его услышали все вокруг. – Дари скакал как дьявол с донесением, и тут пуля попала в его коня, он рухнул, а самого Дари едва не затоптали лошадиные копыта. Канем сказал: «Это чудо, что он спасся».

– А за что его называют псом? – спросила Мэдди.

Брат вспыхнул.

– Не знаю. Я как слышал, так и говорю.

Тея перестала обращать внимания на их перепалку. Она, конечно, испытала огромное облегчение из-за Дари, но что это означает для нее?

– Где сейчас лорд Дариен? – поинтересовалась Тея, довольным и невозмутимым тоном. – Я хочу поблагодарить его.

– В другой раз, – ответил Калли. – Он уже уехал.

– Уехал? Но почему?

– Странно, правда? Приехал поздно, изложил свою историю Дари и тем, кто его окружал, а потом исчез. Впрочем, он такой: никогда не знаешь, чего от него ожидать. Палата лордов содрогнется, если он вдруг решит посетить ее. Пойдемте, Дари предложил за ужином отпраздновать это дело.

Тея присоединилась к «балбесам», которые устроились за отдельным столом на воздухе, в освещенном фонарями саду.

Увидев, как искренне радуется Дари, она испытала чувство настоящей благодарности и да – решила, что придется заплатить свою цену за это, но когда подняла бокал с шампанским в честь празднующего победу, ею овладела паника.

Лорд Арден отпустил мерзкую шуточку насчет имени Кейва, и больше сегодня нечего было опасаться. Кто-то упомянул чокнутого Маркуса Кейва, кто-то сказал еще какую-то гадость, но Тея старалась не слушать.

Она дала обещание Кейву объявить о помолвке, хоть его фамилия и вызывала дрожь, ужас и ожидание насилия. Он уехал, но спокойнее от этого ей не стало. Он вернется: ужас во плоти, темный демон, – чтобы потребовать расплаты.

Тея почувствовала себя героиней из детской сказки – может, Рапунцель? – которая бездумно согласилась на сделку, не осознав ее сути, а потом не смогла не выполнить данного обещания.

Пока все присутствующие поднимали тост за тостом, в деревьях зашумел ветер, коснулся ее открытой спины и словно прошептал на ухо:

– Берегитесь, леди, берегитесь!..

Глава 6

Дариен большую часть жизни провел в армии, среди людей, и вдруг обнаружил, что приличное игорное заведение – идеальное место для мужчины, который хочет остаться наедине со своими мыслями, если играет, но не выигрывает слишком много.

Он быстро двинулся в сторону заведения под названием «Григс», не обращая внимания на то, что на ногах у него легкие бальные туфли, совсем не предназначенные для подобных мест.

Мейфэр, фешенебельный район с выстроившимися, словно на параде, высокими узкими домами, тесно прижатыми друг к другу, образуя террасы, поражал обилием лестниц. Однако каждый дом был защищен от остального мира стенами из кирпича, запертыми дверями, засовами на окнах первых этажей и ставнями, чтобы его обитатели могли жить с комфортом и спокойно спать по ночам.

Теперь и у него был такой дом: Кейв-хаус, – который принадлежал его семье долгие годы. Были и кирпичные стены, и запоры, и засовы, но в его пустых комнатах он не чувствовал себя в безопасности.

Пустые комнаты должны были бы дарить мир и покой, но тут жили другие звуки. И хотя у него отсутствовали какие-либо личные воспоминания об этом месте, а все следы темных событий здесь уже были давным-давно вычищены, забелены и покрашены, молчаливый дом оглушал.

Но самое худшее – шум по ночам. Это была одна из причин, почему Дариен не торопился возвращаться домой. Время от времени среди ночи он просыпался от хрипов, стонов, иногда – пронзительных криков, и это в запертом на все замки доме, где, кроме него, было всего несколько слуг. Если любой дом заслуживает, чтобы в нем поселилось привидение, то и Кейв-хаус тоже, но мысль столкнуться в темноте с кем-то из предков вроде чокнутого Маркуса Кейва, даже его заставляла содрогаться.

Будь у него выбор, он никогда бы не ступил на порог этого дома еще раз. Но дом стал частью его плана. Жить здесь для него – означало дать понять всему миру, что прошлое осталось в прошлом, что новому лорду Дариену нечего стыдиться. Кейв засмеялся в темноту. Затялок у него до сих пор зудел от пристальных взглядов из толпы, он даже вспомнил, как кто-то прошептал вслед: «Бешеный пес Кейв! Что он здесь делает?»

Захотелось развернуться и вцепиться зубами в того, кто это сказал, кто бы он ни был. Невозможно было не обратить внимания на молчаливое, искусное уклонение от общения с ним. Это означало, что его исключают из своих рядов.

В одной из комнат он заметил Вана, но к этому времени уже понял, что лучше не втягивать друга в свои проблемы. Возможно, потом, в качестве награды за победу. А пока Кейв оставался Кейвом, несмотря на свой характер и репутацию, и его место было где-то ниже, чем у больного проказой.

На пороге игорного заведения он вдруг оценил иронию. Сегодня вечером самым теплым приветствием его наградила сам Дари Дебенхейм.

Сразу вернулись воспоминания, которые было не выгнать из памяти: Дебенхейм прижимает платок к носу, из которого течет кровь, и говорит: «Берегись пса!»

Кейв резко захлопнул дверь перед воспоминанием. Проклятье, это же было десять лет назад! С тех пор он заработал репутацию и вырвал победу у враждебного мира, а сейчас сделал то же самое с высшим светом.

В конце концов, даже герцогиня Йовил поблагодарила его со слезами на глазах, а сестра Дебенхейма оказалась в его объятиях – прелестная, надменная леди Теодосия. Ее имя означало «подарок Бога». Подарок Бога ему.

Он постучал в дверь игорного дома, и его впустили. «Григс» принадлежал к тому разряду заведений, которые едва освещались. Его обитателями были мужчины и женщины, чье внимание сосредоточивалось только на картах, костях и игровых столах. Никакой музыки, никаких освежающих напитков. То, что ты Кейв, неважно. Вообще ничто не имеет значения, если у посетителя есть деньги, чтобы их проиграть. Дариен был уверен, что проиграет: он проигрывал примерно так же часто, как и выигрывал. Для него это будет чем-то вроде арендной платы за пользование помещением.

Хотелось подыскать какую-нибудь несложную игру, поэтому он подсел к столу, за которым играли в макао, чтобы, излишне не утруждаясь, вспомнить сегодняшний вечер.

Почему он не предусмотрел реакцию высшего света? Почему ожидал, что они увидят Кейва – военного героя, а не другого Кейва, мерзкого, как и остальные? Ему вспомнилось выражение ужаса на лице леди Теодосии Дебенхейм, когда она узнала, кто он: она не сомневалась, что он не может быть достойным уважения.

Почему он не предвидел, что вместе с титулом виконта придется унаследовать всю грязь? От деда – распутника и дуэлянта, которого называли «дьявол Кейв»; от жестокого отца, носившего прозвище Мерзкий Виконт за немыслимое количество отвратительных поступков, совершенных в течение жизни; от своего дяди – торговца Кейва, насильника и пьяницы.

Он ожидал, что придется принять тяжкую ношу изгаженного фамильного щита – чокнутый Маркус Кейв, сумасшедший убийца невинной Мэри Уилмот, один чего только стоил, – но не думал, что это будет иметь какое-то отношение к нему лично и не отразится в испуганных глазах женщин и в гневе мужчин, вызванном защитной реакцией.

О господи!

Нет ничего удивительного, что его младшего брата Фрэнка отвергли, когда он попросил руки девушки, которую любил.

Фрэнк, служивший на флоте в звании лейтенанта, влюбился в дочь своего адмирала, сэра Планкета Динневора, но тот велел ему держаться от нее подальше, и вовсе не из-за низкого воинского звания, а из-за того, что он Кейв.

Дариен был вне себя от гнева, потому-то и решил начать эту кампанию, чтобы подтвердить респектабельность семейства, но теперь вдруг осознал, что, если бы у него была дочь, он ни за что не позволил бы ей связать свою жизнь с кем-то по фамилии Кейв.

Однако ему удалось завлечь на эту дорожку леди Теодосию, подумал он, собрав небольшой выигрыш и поставив на кон фишку в одну гинею.

Эта леди не станет носить фамилию Кейв всю жизнь, и вызолоченная Дебенхейм переживет прикосновение навоза с наименьшими потерями. Возможно, оценив борьбу их волю, она испытала трепет извращенного удовольствия от нее.

Он уже встречал такой тип женщин, и они часто доказывали свою полезность...

Кейв вновь вернулся к холодному анализу.

Что она предпримет? Это был единственно важный вопрос. Сумеет ли он одержать победу в игре, которую начал сегодняшним вечером, действуя импульсивно, как поступал чрезвычайно редко?

Сейчас она могла бы даже пожаловаться на его поведение. И не важно, что семья Дебенхеймов была ему страшно признательна за свидетельство в пользу Дариуса, никто из них не раскроет объятия тому, кто оскорбил их дочь. Вместо союзников они превратятся во врагов.

Возможно, это закончится дуэлью, и тут безусловным чемпионом станет ее братец.

Дари Дебенхейм сильно изменился после всего пережитого, но если он соберется, то превратится в очень сильную личность. Поверхностный блеск выгорит, а под ним обнаружится истинная сталь.

Такого человека Дариен не выбрал бы себе во враги и совершенно точно не хотел бы оказаться с ним лицом к лицу на дуэли: наверное, потому что жутко устал от смертей. В любом

случае это дело не потребует смертельного исхода, а все потому, что его выбила из седла и лишила разума ясноглазая, уверенная в себе, смелая и огненно-страстная молодая леди.

– Еще бренди, сэр?

Вздвигнув, Дариен поднял глаза на слугу и кивнул. Тут бесплатно подносили бренди, правда, паршивый, но ему хотелось чего-нибудь крепкого: слишком ясной была голова. В один глоток он опустошил половину бокала, радуясь жесткому пожару, разлившемуся внутри, и посмотрел на карту. Туз! Выложил его, но был побит восьмеркой дилера. Перед ним лежало еще много фишек, поэтому продолжил игру.

Имелась еще одна, намного худшая возможность.

Если Дебенхейм почему-то не сможет принять вызов, следующим в очереди будет кузен леди Теодосии юный Калли. Дариену он во многом напоминал брата Фрэнка: такой же улыбочивый и жизнерадостный, с такой же неиссякаемой верой в добро.

Калли был из тех, кого Дариен старательно избегал этим вечером, чтобы не слышать дифирамбов как герою войны. Мысленно Дариен поклялся, что сбежит из страны, если придется выйти к барьеру против Калли. Эта мысль тут же породила другую: сейчас ему лучше вернуться домой, на случай если его станут разыскивать, чтобы вручить вызов. Надо еще подумать, какие действия предпринять. Дариен поднялся, и когда дилер предложил ему продолжить игру, понял, что удвоил свой выигрыш.

– Ночные юные создания, – сказал он в ответ и передвинул в его сторону горсть фишек. – Пойду наведу в «Фиалковый флюгер».

Никому и в голову не пришло осудить его намерение отправиться в бордель. Он лишь понадеялся, что никто из присутствующих не составит ему компанию. Никто и не составил. Мужчины, которые оккупировали «Григс», предпочитали женщинам карты в отличие от женщин, которые предпочитали и карты, и мужчин.

Он вышел наружу, в прохладный туман, которым так знаменита Англия. В Испании и Португалии ему часто не хватало неотрывных примет своей страны, но только вот не этой. Стоял май месяц, а ночной воздух пробирал до костей. Казалось, что легкие начинают покрываться плесенью. И тем не менее аристократы или мирно почивали в своих теплых постелях, или продолжали веселиться на балу.

Как, интересно, поступит леди Теодосия, если он вернется на бал и пригласит ее на танец?

Упадет в обморок или отвесит пощечину, что скорее всего, и даже куда предпочтительнее?

Покачивая головой, он развернулся и направился в сторону Ганновер-сквер, постукивая на ходу по чугунным оградкам своей тростью с серебряным набалдашником. В данный момент его судьбой руководили женские руки: тонкие, нежные, затянутые в длинные, по локоть, красные элегантные перчатки. Они вдруг заставили его вспомнить о руках армейских хирургов, до локтей красных от крови, и он содрогнулся. Как могут эти руки в перчатках выглядеть такими эротичными?

И жемчуга! Белые, сияющие, девственный контраст вызывающему красному цвету.

Интересно, девственница ли она? Ее смелость казалась юношеской бравадой неопытности, а вот страстный ответ на поцелуй вверх его в замешательство. Но как бы то ни было, ее неистовость позволяла предположить, что вспыхнула она сегодня в первый раз, и именно с ним.

Леди Теодосия Дебенхейм, сестра его врага, которая уже ненавидит его и возненавидит еще больше, прежде чем все это закончится.

Эх, судьба – распутная злая ведьма...

Глава 7

Когда, уже на рассвете, последние гости покинули Йовил-хаус, Дари объявил родным, что прекращает принимать опиум. Что это означает, Тея прекрасно знала. Хоть он и пытался скрыть страдания при предыдущих попытках избавиться от зависимости (которые не принесли успеха), впереди его ждали новые мучения.

На этот раз Тея не сомневалась, что он выдержит, осталось решить, что взять с собой для безотлагательного отъезда в Сомерсет.

– Я собираюсь сделать это в Брайдсуэлле, – добавил Дари.

– В Брайдсуэлле? – в недоумении выдохнула Тея.

Речь шла о семейном поместье его невесты Мары Сент-Брайд, в Линкольншире, но ведь они еще не поженились.

– Это особое место, – пояснил Дари в ответ на ее удивление и, возможно, осуждение.

– Конечно.

Что еще она могла сказать, хотя расценила это как предательство. Они скоро поженятся с Марой, но пока он ей не принадлежит, его настоящий дом – Лонг-Чарт. Кто станет ухаживать за ним в Брайдсуэлле?

Словно в ответ на ее сомнения, брат добавил:

– Мы с Марой едем вместе – ее семья не против.

Тея улыбнулась, чтобы скрыть душевную боль. Ее реакция была по-детски глупой, но признаваться в том, что она страдает, не хотелось.

Пока все обсуждали подробности, Дари подошел к сестре, уже побледневший и с другими очевидными признаками нехватки обычной дозы.

– Мне необходимо поехать в Брайдсуэлл, Тея.

– Почему?

Он выдал улыбку.

– Скоро ты приедешь на свадьбу и все увидишь сама, скорее прочувствуешь.

Ей захотелось крикнуть: «Нет, не поеду!» – как капризной девчонке, но вместо этого она обняла брата.

– Я знаю, в этот раз ты победишь.

– Если не сейчас, то никогда. Слава богу, вдруг объявился Канем Кейв! Хотя никогда не думал, что скажу такое.

Отодвинувшись, она посмотрела на него.

– Почему?

– Я думал, что его обрадует мое нездоровье.

Все ее тревоги сошлись воедино.

– Обрадует?

– Недоразумение со школьных времен... Вообще-то нет, но сейчас это неважно. Вне зависимости от того, почему он так поступил, я все равно благодарен ему, поэтому постарался быть любезным с ним.

Любезным? Тея едва удержалась, чтобы не рассмеяться в голос. Она собиралась рассказать Дари о произошедшем, без всяких подробностей, конечно, но он явно думал сейчас о другом. Она поцеловала его в щеку.

– Иди. Мара ждет.

Тея получила в награду улыбку, и его внимание тут же переключилось на любимую, которая завладела его сердцем и душой, и Мара Сент-Брайд ответила ему таким же нежным взглядом.

Возможно, переживания Теи были вызваны вовсе не ревностью, а завистью: она не могла поверить, что можно любить с такой силой, и вообще не была уверена, что ей нужна такая любовь. Зачем страдать, переживать, изводить себя ревностью, испытывать боль от разлук?

Почему-то вспомнился виконт Дариен, их поцелуй.

Она тряхнула головой. Это не имеет никакого отношения к любви!

Лакей объявил, что карета у дверей парадного. Последовала суета прощаний, объятий, добрых пожеланий. Тея подошла обнять будущую невестку и попросила:

– Я знаю, что это излишне, но все же должна сказать: позаботься о нем, Мара.

– Ну конечно, не переживай, – ответила та и тихо добавила: – Может, это пустяк, дорогая, но меня очень беспокоит виконт Дариен.

– Почему? – встревожилась Тея.

– Не знаю. – Внимание Мары было сосредоточено на Дари: он, выходя из комнаты, как раз обернулся в ее сторону. – От него прямо-таки исходит враждебность. И в то же время он оказал такую поддержку Дари. Твой брат сказал, что в школе они конфликтовали, но это все равно не объясняет причину столь странного ощущения.

– Ты чего-то боишься? – спросила Тея, провожая Мару до дверей.

– Не знаю... Герцогиня испытывает к нему глубокую благодарность.

– О боже! – простонала Тея.

Герцогиня Йовил обладала удивительно щедрой душой. Ее щедрость распространялась настолько широко, что для ведения дел в этой сфере ей потребовалась помощь четверых клерков и секретаря. Помогите им господь, если теперь и семейство Кейв станет очередным объектом ее забот.

– Вот именно, – поддержала ее Мара. – В Брайдсуэлле не принято обсуждать какие-то неприглядные дела, поэтому мне казалось, что Кейвы всего лишь обычный источник неприятностей: распутничали, пьянствовали, устраивали кому-нибудь травлю, – но то, что я услышала сегодня... Волосы встают дыбом. Одного из них даже судили за убийство!

– Я знаю.

Дари позвал невесту.

– Я должна идти. Мои тревоги, может, ничего и не значат, но... Будь осторожна, Тея, ради всех нас.

Вместе с Марой и Дари она вышла в розовый рассвет, а потом, посылая им вслед искренние молитвы, махала рукой, пока две кареты не скрылись из виду. Но слова будущей невестки отпечатались у нее в голове.

Предостерегая ее, Мара ничего не знала о том, что произошло, но ее слова заставили Тею шире взглянуть на ситуацию. Станет ли виконт угрозой ее семье? Надо ли об этом рассказать родителям?

Но, увы, они заключили сделку, и мерзкий виконт Дариен свою часть уже выполнил.

– У тебя утомленный вид, дорогая. – Мать обняла ее за плечи. – Пойдем, тебе нужно лечь в постель.

Тея с радостью подчинилась: слишком устала, чтобы принять сейчас какое-либо разумное решение, – и за несколько часов ничего не случится.

– Такая трудная ночь, – сказала герцогиня, входя в дом. – Но такая чудесная. Все прояснилось, и теперь Дари справится со своим недугом, так что весь этот ужас скоро закончится.

– Это потребует от него много сил, – предостерегла Тея.

– Разумеется, но он быстро восстановится. А потом у нас будет свадьба. Может, две? – Подразнила ее мать. – Может, с Авонфортом?

– Нет!

Ответ прозвучал резче, чем ей хотелось, поэтому не было ничего странного в том, что мать удивленно уставилась на нее. Лорд Авонфорт был их соседом в Сомерсете и последний

год настойчиво ухаживал за ней. Его поместье примыкало к Лонг-Чарту, а его сестры были подружками Теи. Она полагала, что в конце концов выйдет за него, но сейчас и думать об этом не могла. Кроме того, ей предстоит объявить о помолвке с другим!

– Если он тебе безразличен, есть и другие, – добродушно произнесла мать. – Но тебе уже двадцать... Признаться, я не обращала на тебя должного внимания эти несколько лет, но теперь готова полностью посвятить себя тебе.

Тея скрылась в своей комнате.

Господи, помоги! Теперь она, а не Дари, станет новым увлечением матери.

Дариен остался в Кейв-хаусе на всю пятницу. Прошедшей ночью, когда вернулся домой, к нему не пришли с вызовом, но легче от этого не стало. Леди Теодосия могла спокойно дожидаться окончания бала, а уже потом поведать родным о случившемся.

Если все-таки вызов последует, лучше получить его в приватной обстановке, поэтому он и остался дома. Нужно было обдумать еще одну возникшую проблему. Ночью кто-то выплеснул ему под двери кровь. Он бы и не узнал об этом, если бы не привычка ездить ранним утром верхом, пока большинство представителей высшего света еще спят.

Как обычно, Дариен вышел из дому через заднюю дверь и пешком отправился в конюшни, которые обслуживали его улицу. Когда он появился там несколько недель назад, то обнаружил, что стойла, предназначенные для лошадей их семьи, передали другим, а так как на данный момент у него была всего одна лошадь, он вернул одно стойло и не побеспокоился, чтобы нанять конюха.

Конюхи, работавшие в этой конюшне, не отличались особой приветливостью, но один из них согласился приглядывать за Цербером. Дариен взял себе за правило посещать своего коня дважды в неделю, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, и каждый день выезжал на нем.

Верховая прогулка была лучшей частью его дня. Ему нравилось ездить верхом именно утром, он любил это время суток: начинался новый день, вчерашние проблемы и заботы словно смывало начисто, и все становилось возможным.

Это утро было полно какого-то особого очарования, и ничто не могло его испортить, так что после верховой прогулки Дариен возвращался длинной дорогой и подходил к дому с главного фасада.

И вот здесь, на ступенях, он увидел подсохшую лужу крови.

На Ганновер-сквер было тихо, его дом еще спал, и только прислуга за столом на кухне наслаждалась утренним чаем с хлебом и джемом. Пруссоки давно служили в доме, и Дариен не стал менять их на кого-то другого. Эти трое вполне подходили мужчине, у которого не бывает гостей и который не устраивает вечеринок, но не отличались разговорчивостью.

– Там на ступеньках кровь, – обратился к ним Дариен. – Кто-то ранен?

Все трое – отец, мать и медленно соображавшая дочка – поднялись и уставились на него.

– Кровь, милорд? – переспросила миссис Пруссок, которая почти всегда говорила за всех.

– Потрудитесь вымыть крыльцо. Немедленно!

– Элли, – повернулась мать к дочери, – иди вымой.

Тяжело передвигаясь, словно ноги у нее были свинцом налиты, девица схватила деревянную бадью с водой, тряпку и вышла из кухни.

– Ничего не видели у передней двери этим утром? – спросил Дариен.

– Нет, милорд. Мы сами недавно встали и только что сели завтракать. Вам подать завтрак прямо сейчас?

– Такое случалось раньше? – продолжил расспросы виконт, не обращая на их слова внимания.

Дариена смущали их уклончивые взгляды: в армии он имел дела и не с такими плутами, – поэтому он стоял и ждал.

– Поначалу, – наконец сказала миссис Пруссок. – Вскоре после того, как мистер Маркус сделал то, что сделал. По крайней мере, так говорили.

Дариен нахмурился.

– Вас тогда здесь не было?

– Нет, милорд. Нас наняли после смерти вашего отца.

Ему казалось, что они работают здесь уже давно, но, как выяснилось, нет. Его отец, каким бы самодуром и скрягой ни был, не стал бы терпеть нерасторопности и бестолковости.

– Если что-то подобное случится, сразу же дайте мне знать, – приказал виконт. – И да, подавайте завтрак прямо сейчас. Пожалуйста.

Кейв ушел с кухни в раздумье, как это будет, если займется нормальное домашнее хозяйство, жениться, обзавестись детьми...

На Пруссоках лежали обязанности дворецкого, кухарки, экономки и горничной. Разумеется, никто из них ничему не учился, однако подыскать более опытных слуг у Кейва не было ни времени, ни желания. Эти люди содержали дом в относительной чистоте и готовили простую, но вполне приличную еду. Этого ему было достаточно, и он сделал лишь одно дополнение – нанял камердинера. Нужно было, чтобы кто-то заботился о его гардеробе, который он рассматривал как оружие в своей битве. Лавгроув оказался слугой исполнительным, педантичным и искусным. Кроме того, практически целыми днями он пил, но выбирать не приходилось.

Дожидаюсь завтрака, Дариен расхаживал по комнате, размышляя о сегодняшнем происшествии. Это могло быть ответом на его вторжение в узкий круг высшего общества. Но кто мог такое придумать? Кто-то из Уилмотов, чей особняк стоял на противоположной стороне Ганновер-сквер?

Он не знал, где они проводят сезон, но предполагал, что избегают места, связанного с насильственной смертью их дочери, которая настигла ее в небольшом скверике в центре площади.

Торопливо вошла миссис Пруссок и поставила на стол поднос с яичницей, ветчиной, хлебом и кофе. Поглощая завтрак, Дариен не мог отделаться от мыслей о том преступлении. Он находился в Испании, когда Маркус убил шестнадцатилетнюю Мэри Уилмот, но новости разносятся быстро. Дариен был потрясен, но не удивлен. Маркус всю жизнь был странным, а в юном возрасте, благодаря невоздержанности и распутству, заработал сифилис, который потом сказался на его мозгах.

Вероятно, его несколько лет до убийства продержали взаперти, но их отец обладал особой аристократической самоуверенностью, которая заключалась в том, чтобы не признавать собственных ошибок.словно пес, сорвавшийся с цепи, Маркус захватил Мэри Уилмот, перерезал ей горло и искалечил, а потом бросил тело на виду.

Никто не задавался вопросом, что делала одна в парке в наступающих сумерках юная леди, которая всему свету была известна как очаровательная Мэри Уилмот, вдохновлявшая на создание поэм и баллад.

Маркуса нашли быстро по кровавым следам, которые привели в Кейв-хаус. Полицейским предстала жуткая картина: он сидел на кровати и грыз один из столбцов.

Конечно, такое забыть нелегко, но Дариен не думал, что так можно реагировать на происшедшее шесть лет назад через пять лет после смерти Маркуса.

Впрочем, Мэри Уилмот принадлежала к высшему свету, а его представители ничего легко не забывают и ничего не прощают, но ведь и Кейвы – тоже.

Теперь он будет внимательнее следить, чтобы все убрали и отмыли до того, как проснутся соседи, если, конечно, нечто подобное повторится.

Глава 8

Усталость совсем не означала, что Тея будет лежать в кровати без сна и переживать, нет. Она прекрасно выспалась, но когда проснулась, все проблемы навалились на нее вновь – мать, Кейв, поцелуй, их соглашение. Как ни выкручивайся, ничего не поделаешь: обещание придется выполнять.

Теперь к ее переживаниям добавилось предостережение, которое высказала Мара. От лорда Дариена действительно исходила враждебность, но почему? Ее брат всегда был добрым – такие натуры не вызывают столь сильных эмоций, особенно в юности. Своего обожаемого брата Тея помнила всегда улыбающимся, всегда в благожелательном настроении.

Спрятавшись в постели, проблемы не решишь, поэтому Тея спустилась с кровати и позвонила Харриет. Ей вдруг вспомнилось кое-что из сказанного Кейвом минувшей ночью: не скрывая сарказма, он заметил, что все, кто знает Дари, должны его любить.

Но это правда!

Здесь скрывалась какая-то тайна. Но если инцидент случился в школе, значит, речь шла о Харроу, о временах «балбесов».

Близился полдень. Пока она оденется и позавтракает, наступит время так называемых «утренних визитов». Сегодня предстоит навестить Николаса и Элинон Делани, потому что Николас был предводителем «балбесов».

Появилась Харриет с водой для умывания и завтраком. Тея спросила о судьбе зеленого платья.

– Сделала все, что смогла, миледи, но кое-где на оборках пятна остались. Я подумала, может, заменить всю переднюю часть?

– Хорошая идея. Надо будет узнать, осталась ли у портнихи такая ткань.

Вот бы все проблемы, возникшие прошлой ночью, решились также легко. Тея быстро написала записку Элинон Делани, отправила Харриет передать ее лакею, а сама уселась завтракать.

К тому времени, когда она закончила одеваться, пришел ответ. Элинон с радостью примет ее. Тея вызвала карету для поездок по городу и вместе с Харриет отправилась в путь.

Несмотря на то что Дари был одним из «балбесов», а Тея наслушалась разных историй об этой компании, ей не довелось до прошлой ночи познакомиться еще с кем-то из них. Саймон Сент-Брайд, брат Мары, был близким другом Дари и часто приезжал в Лонг-Чарт. Сейчас он находился в Лондоне, но до этого много лет провел в Канаде, поэтому ей не довелось познакомиться с ним настолько коротко, чтобы не испытывать скованность.

От Лонг-Чарта до дома Николаса Делани было рукой подать. Пока Дари выздоравливал, Николас часто навещал его, и Тея теперь могла бы считать его и своим другом, если бы не его своеобразный характер. С Элинон Тея могла обсудить свои проблемы, но виделись в прошлом году они редко из-за беременности подруги.

Она не удивилась, когда дверь ей открыл сам хозяин. В рубашке с закатанными рукавами вид у него был абсолютно домашним, никакого апломба, хоть он и был братом графа.

– Тея! – удивленно воскликнул Николас и тут же добавил: – Прошу прощения за такой вид: мы готовимся к отъезду в Сомерсет. Я провожу тебя к Элинон.

Отослав Харриет в помещение для слуг, Тея пошла вслед за ним и очень удивилась, когда он открыл дверь супружеской спальни.

Элинон сидела в кресле-качалке и кормила ребенка грудью, укрывшись огромной шелковой шалью, из-под которой доносилось причмокивание, что определенно смущало.

Элинон тепло поздоровалась с ней и отправила горничную за чаем.

– Ты уж извини, но если ребенок хочет есть, его надо обязательно накормить.

– Конечно, – согласилась Тея и села, не зная, куда деть глаза.

Как и Николас, Элино́р была одета чрезвычайно просто, длинные темно-рыжие волосы свободно спускались по спине, просто перехваченные лентой.

– Вы, должно быть, очень счастливы? Ведь дела обернулись минувшей ночью наилучшим образом, – сказала Элино́р словно о само собой разумеющемся.

– Да, конечно, хотя не можем расслабиться полностью, пока не услышим, что Дари выиграл эту битву.

– На этот раз он выиграет, в особенности, когда Мара рядом.

– Молюсь об этом.

Это была не та тема, которую Тея хотела обсудить, но начать другой разговор пока не представлялось возможным.

Элино́р вытащила ребенка из-под шали и, положив на плечо, погладила по спинке. Тея поневоле улыбнулась.

– У него такой сытый и довольный вид.

– Как у пьяницы, который из кабака дополз до дома, как говорит Николас: глаза в кучу и рыгает. – Поглаживая ребенка по спинке, Элино́р спросила: – У тебя есть какой-то особый повод приехать к нам?

Оба Делани всегда сразу брали быка за рога.

Тея сникла, погружившись в свои заботы.

– Я насчет лорда Дариена. Этим утром, уезжая, Мара поделилась со мной кое-какими сомнениями. Он по-доброму отнесся к Дари, но Мара ощутила враждебность между ними. А еще брат упомянул о каком-то инциденте еще в школьные времена, вот Мара и заинтересовалась, почему он так поступил.

– А, понятно! – Элино́р устроила ребенка на руках, и он сонно засопел. – Лучше, чем я, тебе об этом расскажет Николас. Не трудно позвонить в колокольчик?

Тея позвонила, и в комнату практически сразу же вошла няня, чтобы забрать ребенка. Поцеловав, Элино́р передала малыша ей.

– И попросите мистера Делани присоединиться к нам, пожалуйста.

Чай прибыл раньше Николаса, и Элино́р, переместившись на софу, стала наполнять чашки.

– Ты знакома с виконтом Дариеном? – спросила Тея, приняв чашку с блюдцем. Ей хотелось узнать о нем как можно больше.

– Не особо. До последнего времени он был в армии, и оставался вне поля зрения, пока все не закончилось.

– Репутация у семьи ужасная.

– Да, но у моей тоже не безукоризненная. Братец попал в жуткую передрагу, но, слава богу, за границей!

Тея сделала глоток чаю. Неужели Элино́р оказалась среди сторонников Дариена? Он что, тоже был «балбесом»? Нет. Она не могла знать их всех, однако ей были известны имена, да и сам Дариен отверг свою принадлежность к этой компании, причем очень резко.

В комнату, полный любопытства, вошел Николас Делани.

– Тея интересуется, какая кошка пробежала между Дариеном и Дари, – обратилась к нему Элино́р.

– А! Ирония заключается в том, что с такими похожими именами они обладают абсолютно противоположными характерами. – Взяв чашку, он уселся. – С чего вдруг интересуешься, Тея?

– Мару Сент-Брайд обеспокоила враждебность между Кейвом и Дари, и она предупредила, чтобы я была осторожна.

Николас взял бисквит с тарелки.

– Она чересчур проницательна, как и все Сент-Брайды, несмотря на их знаменитую блаженную натуру. Все-то их тревожит, везде им мерещатся заговоры. Да, проблема была, но все это осталось в далеком прошлом.

– Можешь рассказать, что тогда произошло?

Николас подумал, потом кивнул.

– Горацио Кейв отличался от других учеников Харроу. У него были грубые манеры, не хватало знаний для учебы. Сомневаюсь, что у него имелись друзья одного с ним возраста и статуса. Все очень просто – он ни к кому не принаравливался. В дополнение к этому его естественной реакцией на каждую обиду была драка, он кусался и царапался.

– Бедный мальчик, – произнесла Элинор.

Тея отпила еще чаю. Бедный мальчик давно стал мужчиной и наверняка перерос подобные проблемы.

– От него кто-нибудь пострадал? – спросила она.

– По большей части страдал он сам. Чисто физически он сильно отличался от того, кем стал сейчас. В гиганта он не вырос, а тогда его вообще можно было назвать коротышкой – невысокий и костлявый. Кто-то мог подумать, что с ним легко справиться, но быстро понимал, как ошибался. Кейв научился драться со злостью. Учитывая, в какой семье он рос, вы можете представить почему.

– Так что все-таки произошло между ним и Дари? – настойчиво спросила Тея. – Мне нужно это знать.

Николас удивленно посмотрел на нее, но уклоняться от ответа не стал.

– Однажды Кейв устроил драку с Дари. Можно не напоминать, что твой брат ничем его не обидел, но, возможно, Кейв вообразил, что к нему отнеслись пренебрежительно или еще что. В общем, через какое-то время их растащили. У Дари текла кровь, а Кейв отделался царапинами: ты ведь знаешь, что Дари вовсе не забияка и скорее защищался.

– Именно поэтому мы и забеспокоились, когда он объявил о желании сражаться с Наполеоном.

– Веллингтон воодушевил его, предложив должность, которая требовала постоянно передвигаться верхом. Он всегда обожал лошадей и был бесстрашным наездником.

– Это ты так считаешь, – отозвалась Элинор, удивив Тею.

Николас возразил:

– Поговори с Коном, в смысле с Сомерфордом, или с Хокинвиллом. Дари всегда мог обратить гнев в смех или шутку. И точно так же поступил в тот раз. Он лишь сказал: «Канем Кейв!» – «Берегись пса!» Он не имел в виду ничего дурного, а вот другие ребята восприняли это именно так. Так к Горацио Кейву и прилипло прозвище, которое сопровождалось к тому же твяканьем и лаем или дурацкими шутками. А вскоре это было переведено на английский. И когда кто-нибудь называл его псом, он набрасывался на обидчика с дикой злобой. И вот однажды, подравшись с Дерби Тригуэллом, сломал ему руку, за что был отчислен из школы.

Не жалеть!

– Как грустно, – протянула Элинор.

– Ты про мальчика со сломанной рукой? – вежливо поинтересовалась Тея.

– Про обоих, – ответила Элинор. – Ты ничего не мог сделать, Николас?

Если бы Тея не выросла с историями про Николаса, то очень удивилась бы этому вопросу.

– Он был бы идеальным кандидатом в «балбесы», да, – сказал Николас. – Только мы договорились с самого начала, что нас будет двенадцать. Магическое число и все такое. А еще он был на год моложе. Оглядываясь назад, я уверен, что можно было бы что-нибудь придумать, но тогда никому не хотелось вступиться за него: каждый занимался собственной жизнью. И признаюсь, как только беднягу Кейва выперли из школы, я ни разу о нем не вспомнил.

– Как, должно быть, это было мучительно, – отозвалась Элинон. – Жестокость я помню со школьных времен до сих пор, и если вдруг встречу с Фанни Миллбартон, думаю, мне не удастся сохранить вежливость.

– Может, проще перейти на другую сторону, чтобы не встречаться? – спросила Тея.

Элинон взглянула на нее.

– Да, ты, наверное, права.

– Что у тебя на уме, Тея? – прямо спросил Николас.

Она заколебалась: стоит ли рассказать ему все, – но если заговорить о помолвке, она от этого станет более реальной. Тея вдруг сообразила, что ей нужно найти какой-то способ соскочить с этого отравленного крючка. Этот человек не только суров и груб, но и патологически жесток с самой колыбели.

– Мои родители были весьма признательны лорду Дариену, и, полагаю, в этом и заключалась его цель. Я удивилась предостережению Мары насчет его недобрых замыслов в отношении нас, а сейчас ты объяснил, что у него есть для этого причина.

– Очень замысловатая месть, – заметил Николас. – Проще было бы, конечно, оставить Дари расхлебывать этот скандал.

Тея обдумала его слова.

– Но в этом случае для него ничего бы не изменилось. Я имею в виду лорда Дариена. Прошлой ночью весь высший свет ясно показал ему, что не желает допускать кого-то из Кейвов в свой круг. Возможно, он рассчитывает изменить эту ситуацию. Поддержка моей семьи для этого была бы как нельзя кстати.

– Высший свет порой может быть куда хуже черни, – согласился Николас. – Если Кейв ищет поддержки вашей семьи, что в этом плохого?

– Как только он добьется своего, у него может возникнуть план какого-то коварства.

Николас вскинул брови.

– Начиталась романов Минервы?

– Планы мести могут быть весьма изобретательными, – возразила Тея.

Он посерьезнел.

– Извини, пожалуйста. Конечно, такое бывает. Элинон, боюсь, нам придется ненадолго задержаться в Лондоне.

– Понятно, – вздохнула в ответ супруга. – Десять лет назад ты не смог помочь Кейву, поэтому попытаешься сейчас искупить свою вину.

– Как хорошо ты меня знаешь!

– Конечно, и я согласна, но не со всем: это не только забота Дари. Он нанес ему вред. Не со зла, об этом мы даже не говорим, но нанес.

– Дорогому Дари еще долго будет не до этого, так что заботы лягут на мои и еще чьи-нибудь плечи.

– То есть? – спросила Тея.

– Поставить все на свои места. Если Дариен хочет, чтобы его приняли в обществе, мы ему поможем.

Вот так! От облегчения у нее задрожали руки, и поэтому пришлось тут же опустить чашку с блюдцем на стол.

Она пришла сюда за информацией, а, судя по всему, обрела защиту. Если на его стороне будут все «балбесы», включая такого почетного, как герцог Сент-Рейвен, плюс помощь ее семьи, лорду Дариену не потребуются никакой пародии на помолвку. Более того: у нее появится средство давления на него. Если попытается ей докучать, она выложит всю правду, и тогда его союзники превратятся во врагов.

– Я так поняла, что он до сих пор носит эту кличку – Канем Кейв, – обратилась Элинон к мужу. – Почему, если когда-то это будило в нем зверя?

– Наверное, ему хватило ума обратить все в свою пользу.

– То есть он весьма неглуп?

– Как любой хороший офицер, а его военная репутация безупречна. Итак, каков наш план? – Судя по всему, Николас консультировался с обоями на стене. – У Дариена должны остаться друзья с армейских времен, но большинство из них – такие же, как он, и до сих пор находятся за пределами Англии, поэтому нам нужны те, кто имеет вес в высшем обществе.

– Это освобождает меня от исполнения долга, – усмехнулась Элинор.

– Постарайся скрыть ликование, любовь моя. – Николас взял жену за руку, возможно, даже не заметив этого, и Тея слегка смутилась от столь откровенного проявления чувств супругами. – Уже хорошо то, что все «балбесы» собрались в Лондоне, чтобы оказать поддержку Дари, и останутся здесь на какое-то время. Члены парламента будут привязаны к городу, пока не закончатся прения. У нас достаточно огневой мощи, но все равно мы не можем впихивать Дариена в свет насильно. Нам нужно обольстить женщин и убедить мужчин.

– Он хоть симпатичный? – поинтересовалась Элинор.

– Как тебе сказать... Если тебе импонирует дьявол... – съехидничал Николас.

– То есть он опасен, а значит, привлекателен для женщин...

В их шуточной пикировке Тея услышала что-то серьезное.

– А что, если он, как и другие Кейвы, само воплощение зла? Что если он задумал с помощью Дари отомстить всей нашей семье из-за того мелкого инцидента десятилетней давности?

Николас обернулся к Тее и сказал просто, словно обсуждая погоду:

– Тогда мы уничтожим его.

Тея уезжала от супругов Делани с ощущением, что с ее плеч свалилась тяжелая ноша, и не переставала удивляться, какие силы привела в действие, но против ее воли школьная история всколыхнула в ней жалость к тому неприкаянному мальчишке.

Ее не отдавали в школу, поэтому все рассказы Дари о Харроу она воспринимала как развлечение. Однако истории были разными и позволяли понять, что школа для мальчиков может стать адом. Порой мальчишки не выдерживали и пытались бунтовать против жестоких угнетателей. Именно поэтому Николас Делани и собрал вокруг себя «балбесов»: для защиты.

Горацио Кейв испытывал дефицит собственной безопасности: коротышка, плохо подготовленный к школе, выросший с ощущением необходимости стать злобным задирой.

Тея заставила себя успокоиться. Это делало его даже более опасным для нее, а не наоборот.

Вернувшись домой, она увидела записку от матери с приглашением в будуар. Испугавшись: вдруг пришли какие-то дурные новости о Дари, – Тея торопливо сняла верхнюю одежду и вышла из спальни, а в коридоре остановилась перед тем самым зеркалом.

Дневной свет сюда почти не проникал, поэтому в коридоре сохранилась атмосфера прошедшей ночи, однако выглядела Тея сейчас совсем по-другому. На ней было закрытое голубое платье с гофрированным круглым воротником – по последней моде. Дари насмешливо описал этот фасон как «голову на блюде». Волосы были уложены в простой пучок без всяких украшений. Из драгоценностей она надела только жемчужные серьги и серебряную брошь с жемчугом.

Она оглянулась, почти уверенная, что Кейв окажется здесь, словно он был духом, парящим в воздухе, который произносил шепотом, как призрак Гамлета: «Помни меня...»

Тея заторопилась дальше, но очертания его фигуры словно плыли за ней, и ей даже стало интересно, не ожидает ли ее лорд Дариен в будуаре матери. Вызов был неожиданным, тем более в послеполуденное время, когда матушка обычно разъезжает со своими утренними визитами.

Не мог же Дариен уже навестить ее отца, чтобы объявить об их помолвке...

Или мог?

Глава 9

Входя в будуар матери, Тея была готова к неприятностям, но в солнечном свете все в комнате казалось наполненным красотой и порядком. Мать улыбнулась ей. Для герцогини внешность у нее была самая обычная: комплекция средняя, каштановые волосы убраны просто, – но внутренняя доброта придавала чертам ее лица очарование, которое останется с ней на протяжении всей жизни.

На столе, покрытом льняной скатертью, стоял фарфоровый чайный сервиз и несколько чашек. Вместе с ее матерью сидела гостья – всегда невозмутимая и элегантная леди Мария Вандеймен, приходившаяся герцогине дальней родственницей.

– Тея, – улыбнулась Мария, – ты вчера вечером была великолепна! Твое платье всех очаровало, хотя мне показалось весьма смелым.

– Вы имеете в виду мой корсет? – Тея поцеловала леди в щеку. – Его надо было поменять вместе с платьем.

– Нет-нет, дорогая: я имею в виду фасон. Если бы я обладала такой же стройной фигурой, как у тебя, заказала бы себе подобное.

В том, как она говорила, не было ни малейшего сожаления. В прошлом году Мария вышла замуж во второй раз, а в феврале родила, после того как на протяжении нескольких лет считала себя бесплодной, и теперь вся светилась от счастья.

Усевшись, Тея приняла чашку с чаем и подумала, что здесь явно что-то затевается.

– Надеюсь, с Джорджиной все в порядке? – поинтересовалась она, сделав глоток.

– Да, все хорошо, спасибо! – Со счастливым видом Мария описала множество достоинств дочери, но на удивление быстро закончила. – Достаточно об этом. Я приехала поговорить о лорде Дариене.

Чашка в руках Теи тихо звякнула.

– Почему?

– Он – друг Вандеймена.

Для Теи это не стало сюрпризом. Второй муж Марии был скандально моложе ее на восемь лет: лихой офицер, ныне пребывавший в отставке. Несмотря на то что лорд Вандеймен был голубоглазым блондином и всегда вел себя как настоящий джентльмен в присутствии Теи, она отметила у них с виконтом общие черты.

– С армейских времен, полагаю?

– Они служили в разных полках, но носили сходные прозвища. В армии Ван превратился в Демона Вандеймена, ну а Дариен, конечно, стал Бешеным Псом.

Герцогиня воскликнула неодобрительно:

– Такая жалость! Мы с Марией вот сидели и думали, что бы такое сделать для дорогого Дариена. Люди ведь такие жестокие! Хочешь кусочек лимонного кекса, дорогая? Повар сегодня просто превзошел себя.

– Он может быть самым настоящим Кейвом, – решила предостеречь мать Тея, протянув руку за кексом.

– О нет! Те были испорченными и эгоистами до мозга костей. Старый лорд Дариен никогда и пальцем бы не пошевелил, чтобы кому-нибудь помочь. Вообще никакого сходства, уверяю тебя.

– Он был мрачным, – сказала Мария.

– Мерзкий виконт не был мрачным, – отмахнулась герцогиня.

– Да, но чокнутый Маркус был. Из-за этого возникло так много сложностей прошлой ночью. Если бы Дариен внешне напоминал отца, то никогда не вызвал бы такой тревоги.

– Но он совсем не похож на Маркуса, – возразила герцогиня. – Тот был жирным монстром.

– Он не был таким в юности, до того как подхватил сифилис.

– Мария! – встревожилась герцогиня, метнув взгляд на дочь.

– Я знаю, что такое сифилис, мама, – сказала Тея.

– О, дорогая! – Герцогиня взяла еще один бисквит.

– Откуда у них черные глаза и волосы? – Тея понимала, что не должна выказывать излишнего любопытства, поэтому произнесла это как можно равнодушнее.

– Это у них от матери-итальянки, – объяснила герцогиня. – Она была оперной певицей или балериной. Магдалена как-то там, кажется.

Тея понимала, что между артистками и проститутками существовала разница.

– Ее принимали в обществе?

– О нет.

– Значит, балерина.

– Не понимаю, откуда вы, молодежь, узнаете о таких вещах, – выразила свое неудовольствие герцогиня, но потом добавила: – Полагаю, мы имеем тот же источник информации. Однако леди Дариен все же была певицей. Замужество за мерзким виконтом вывело ее за все рамки, к тому же она была иностранкой. Некоторые удивлялись, почему она вышла за него. Виконт никогда не считался красавцем и никогда не был своим в пристойных компаниях. Верите или нет, но его брат был и того хуже. Ричарду Кейву пришлось бежать из страны. Жульничал в карты, а потом убил кого-то: одного из таких же, как он, – в каком-то темном переулке. Мне кажется, он сбежал как раз во время Французской революции и закончил на гильотине, к чему можно отнести как к божественной справедливости.

– А предыдущего виконта называли дьяволом, – заметила Мария. – Это ведь по-настоящему грустная сага, через которую не так-то легко переступить, в особенности история с Мэри Уилмот, которая камнем висит на шее Дариена.

– Тогда мы должны перерезать эту веревку, чтобы освободить его, – заявила герцогиня. – Как в идиотской поэме, которую называют «Опиум».

Она замолчала, а Тея знала, что мать сейчас думает не о поэме Кольриджа «Обледенение старого моряка», а о Дари. Наступила вторая половина дня. Они еще не успели доехать до Брайдсуэлла, но брат уже мог страдать от ломки. Самое худшее в этом случае – галлюцинации, как уже бывало раньше.

Герцогиня тряхнула головой.

– Я уверена, что Дариен прекрасный человек. Его достижения на поле боя достойны восхищения.

Мария закашлялась.

– И что это значит? – потребовала ответа герцогиня.

– Надо заглянуть в лицо фактам, Сара. Он был лихим, отважным и очень успешным, но теперь совсем не образец для подражания в отличие от Вана. Когда Веллингтон назвал его Бешеным Псом, это было не вполне похвалой.

– Он сделал для нас доброе дело, Мария, и мы должны ответить ему тем же. Полагаю, вы с Вандейменом поможете нам?

– Конечно. Только нужно быть очень осторожными.

Герцогиня вновь наполнила чашки.

– Надеюсь, что поддержка таких семей, как наши, приведет к успеху.

– Ты ни в чем не сомневаешься, Сара, а вот я – глупая женщина, которая находится во власти дикого, но красивого молодого мужчины. – Она сказала это без прикрас, но весело, и это была правда.

Тея положила в чашку сахар.

– «Балбесы» тоже помогут. Я навестила сегодня Делани, и Николас пообещал.

– Хорошая новость, – отметила герцогиня, но тут же слегка нахмурилась. – К чему такая спешка с визитом?

– Это из-за того, о чем меня предупредила Мара. Она заметила враждебность между Дари и Дариеном, а Дари признался, что у них была ссора в Харроу.

– Дариен поссорился с Дари? – удивилась Мария. – Это подвиг.

Тея связала то, что услышала, с тем, как мать нахмурилась.

– Это был не очень хороший поступок со стороны Дари, и он должен исправить ошибки молодости. Например, пригласить бедного мальчика в Лонг-Чарт на лето.

Представив это себе, Тея встревожилась.

– Как бы там ни было, – продолжила мать, – если «балбесы» на нашей стороне, можно не сомневаться в успехе. Они сумеют завербовать совершенно разных леди и джентльменов: спортсменов, политиков, дипломатов, покровителей искусств и наук... – так что никто не сможет обнаружить никакой предвзятости.

– О «балбесах» не так широко знают? – удивилась Тея.

– Не в этом смысле. То, что была такая группа школьников, – да. То, что они до сих пор тесно связаны, – нет. Кроме того, существуют еще и связи такие, как между Сент-Рейвеном, Вандейменом и Хокинвиллом.

– Умно! – одобрила Мария. – Это будет выглядеть со стороны как само собой сложившееся благоприятное мнение. А Ван говорит, что его поддержат и многие военные.

Тее пришлось их предостеречь:

– Но что, если у лорда Дариена имеется скрытый мотив? Какое-нибудь недоброе намерение?

– Из-за детской ссоры? – скептически уточнила мать.

– Обиду можно испытывать долгие годы.

– Только не все десять лет войны, – возразила герцогиня. – Что мы узнали такого, что бесчестит Дариена? Не о его семье, а о нем самом?

«Набрасывается на женщин в темных уголках?» – предположила Тея.

– То, что он – Бешеный Пес? – в унисон ее мыслям сказала Мария.

– Дариен не проявлял признаков ненормальности или агрессии.

Тея пристально посмотрела на мать.

– Ты хоть знакома с виконтом?

– Разумеется, дорогая. Разве я могла не разыскать нашего спасителя? Признаюсь, перехватила его у дверей, поплакалась на плече, поблагодарила. Он хорош собой, – заметила герцогиня, взяв кусочек засахаренного имбиря. – На свой лад, конечно. Но эти черные глаза, эта энергия! Просто сбивают с ног!

Она облизнула губы, и пусть всего лишь для того, чтобы избавиться от сахарной крошки, Тее вдруг захотелось прочесть матери резкую мораль насчет того, что необходимо проявлять мудрость и соблюдать внешние приличия.

Должно быть, она все-таки чем-то выдала себя: в глазах у матери засветился огонек, и она заметила:

– Возраст не мешает нам оценить настоящую галантность. Не так ли, Мария?

– Судя по всему, да, но должна заметить, что ты на двадцать лет старше меня, Сара.

– Правда? Наверное, так и есть. – Герцогиня нашла утешение в еще одном кусочке имбиря. – Возможно, самым простым решением будет найти ему правильную невесту: какую-нибудь с безупречной репутацией, как у тебя, Мария. Больше никаких девиц из оперы.

– Английскую леди из родовитой семьи? – задумалась Мария. – С безупречной репутацией, но попавшую в ситуацию, когда не до выбора? – Она повернулась к Тее.

– Только не я! – запротестовала та и вздрогнула.

– Ну конечно, нет! – засмеялась Мария. – У тебя всегда есть выбор. Я просто хотела спросить: может, предложишь кого-нибудь? Ты же знакома со многими молодыми леди.

– Может, какая-нибудь веселая вдовушка предпочтительнее? – заметила герцогиня.

– Как я, например?

– Ага, увидела вкусенький кусочек и тут же его проглотила. Голос разума здесь ни при чем. Не думаю, что Вандеймена это очень заботит, но Дариен может не захотеть жениться на даме старше его. Лучше поискать среди тех, что засиделись: лет, скажем, двадцати четырех – двадцати пяти, – и, возможно, поставили на себе крест, приехав в Лондон на сезон...

– Сара, ты, как всегда, опережаешь события, – заметила Мария. – Прежде чем начинать сватовство, прежде чем предпринимать хоть что-то в этом направлении, мы должны быть уверенными, что лорда Дариена примут в приличном обществе. Нам мало что известно о нем, а он все-таки из Кейвов.

– Но Дари...

– Один поступок не делает из него ангела, а если мы станем всюду рекомендовать его, наша репутация будет связана с его.

– А как тогда быть с Вандейменом? – с вызовом спросила герцогиня. – Он же сказал, что поможет Дариену.

– Ван хоть и поручился за него, но все же уточнил, что в армии человека ценят не за те же качества, что в мирной жизни. То, что естественно на войне, неприемлемо в гостиных.

– Он помог Дари, – возразила герцогиня, – и мы не можем не отплатить ему добром.

Тея взяла кусочек засахаренного имбиря. Предостережение становилось все более актуальным. Теперь матушка не пожелает услышать ни единого слова против лорда Дариена.

– Даже если отбросить в сторону этот его поступок, – продолжила герцогиня, – Дариен заслуживает доброго отношения как ветеран войны. Вы ведь знаете, как трудно некоторым молодым людям найти себя в мирной жизни. Вспомни про своего мужа, Мария. Герой, но встал на путь саморазрушения, и если бы ты не прибрала его к рукам, неизвестно, чем бы все закончилось. Ты не можешь отрицать это.

– Даже не буду пытаться. Возможно, с Дариеном происходит то же самое.

– Или, напротив, совсем по-другому. Прости за откровенность, Мария, но Дариен, насколько мне известно, не злоупотребляет алкоголем и не сидит сутками за карточным столом.

– Однако, как я уже сказала тебе, Сара, мы слишком мало знаем, чтобы быть уверенными в нем.

Тея стало интересно, чем закончится их пикировка, но тут герцогиня сказала:

– Я уже поручила мистеру Торесби провести расследование.

– А, ну тогда все в порядке... – расслабилась Мария.

Тея тоже перевела дыхание. Секретарь матери отличался высочайшим профессионализмом и стоял на страже ее природной доброты и щедрости. Он вытащит на свет божий все грехи Дариена.

– Мистер Торесби не найдет ничего порочащего лорда Дариена, – решительно заявила герцогиня. – Калли боготворит его. Возможно, нам следует пригласить его на ужин.

– Калли? – спросила Тея в недоумении.

– Дариена, дорогая. Надо внимательно составить список гостей. Познакомим виконта с нужными людьми, которые смогут оценить его военные заслуги и у которых достаточно влияния, чтобы изменить общественное мнение. Герцог скажет что-нибудь одобрительное о нем в клубах. Надеюсь, Вандеймен поступит точно так же, Мария?

– Ну разумеется. Только не забегай вперед, Сара: подожди отчета мистера Торесби.

– Ладно, согласна. Предварительный отчет он представит уже на днях.

Мария поднялась и прижала руку к своей объемистой груди.

- Мне пора к Джорджии.
- Привези ее как-нибудь к нам, – попросила герцогиня, целуя гостью в щеку. – Я обожаю маленьких детей.
- Как-нибудь непременно, – пообещала та и удалилась.
- Так приятно видеть Марию счастливой. Она никогда об этом не распространялась, но ее первый муж был сплошное печальное недоразумение, и не только в том, что касалось детей. Конечно, мы переживали по поводу Вандеймена, но он резко изменился в лучшую сторону. С Дариеном будет то же самое. – Она повернулась и внимательно посмотрела в глаза дочери. – Ты говорила, что пока не выбрала никого из своих поклонников, дорогая?
- Да, мама, – сказала Тея, предотвращая разговоры о сватовстве.
- Хорошо. Тогда ты вполне можешь оказать поддержку Дариену. – Должно быть, выражение лица дочери было красноречивее слов. – В чем дело? Он тебя пугает?
- Нет... то есть я не знаю: мы не встречались, – солгала Тея.
- Правда? Мне показалось, что ты познакомилась с ним прошлой ночью и у тебя сложилось о нем вполне определенное мнение.
- Я просто наслушалась о нем всякого.
- Что за странное настроение у тебя сегодня. Переутомилась, наверное? Я ведь прошу о немногом: просто обратить на него внимание. Может, позволить предложить тебе руку, сесть рядом, занять разговорами, принять приглашение на танец, но только без этого выражения на лице, словно ждешь, что тебя съедят. Разве это так трудно?
- Нет, – согласилась Тея. В конце концов, предполагалось, что она помолвлена с виконтом. И чем это все закончится для нее?
- У тебя прекрасная репутация настоящей леди, добродетельной и благоразумной. Это поможет убедить общество в порядочности виконта Дариена. Итак, когда? – Герцогиня открыла свою записную книжку. – Сегодня вечер в «Олмаке», но пока нет возможности пригласить его туда.
- Пока? Тея чуть не расхохоталась.
- Музыкальный вечер у леди Рейберн в четверг. Очень избранное общество. Это будет трудно...
- Ты собиралась дожидаться отчета мистера Торесби, мама, – напомнила Тея.
- Уверена, что у него к тому времени уже что-нибудь будет. Нам нужно действовать быстро, чтобы изменить ход событий, а то если люди схватятся за какую-то идею, их уже не переубедить, – заявила она решительно.
- Тея больше не протестовала. У нее еще три дня до встречи с этим человеком, если только он раньше нагло не ворвется к ним в дом, чтобы заявить на нее права как на свою невесту.
- Нужно попытаться увидеться с ним как можно скорее, чтобы объяснить, почему теперь можно обойтись без помолвки.

Глава 10

В полдень Дариен занялся работой с никогда не уменьшавшейся стопкой деловых бумаг. У него уже не было сомнений, что леди Теодосия сохранила их встречу в тайне и за его поведение вызова не последует. Вероятно, теперь она мечется в замкнутом круге, пытаясь придумать, как избежать помолвки.

Эта мысль вызвала улыбку. «О нет, миледи! Вы моя».

Если думать так было коварством, то грессбухи, счета и квитанции ему посланы в наказание. Он не привык этим заниматься, хотя и понимал, что нужно разбираться во всем, за что ответственность лежала на нем. Глухие удары в парадную дверь оторвали его от очередной колонки цифр.

Не слишком ли быстро он расслабился?

Дариен прислушался: вот Пруссок затопал к входной двери, затем раздались неясные голоса, потом шаги в сторону его комнаты и, наконец, стук в дверь.

– Войдите.

– Вас хочет видеть джентльмен, милорд, – раздраженно доложил Пруссок. Гости явно были ему в тягость.

Поднявшись, Дариен приготовился к худшему.

– Кто?

– Лорд Вандеймен, милорд.

На миг его накрыла волна облегчения, но потом навалились другие сложности. Ван станет его первым гостем. Где его принять?

Мебель в приемной и в салоне до сих пор была укрыта полотном, то же самое было и в гостиной на отцовской половине. Дариен не желал пользоваться теми комнатами, отказался также от большой спальни, которая принадлежала Маркусу, несмотря на то что все следы прошлого были тщательно уничтожены.

Дариен обосновался в третьей спальне, очень скромной по размерам, и пальцем о палец не ударил, чтобы хоть как-то ее украсить или облагородить.

Прежде чем какое-нибудь решение пришло ему в голову, на пороге появился Ван, стройный, светловолосый, с длинным шрамом вдоль щеки.

– Думаешь, как бы меня вышвырнуть? – спросил он с улыбкой, но глаза его оставались серьезными.

Засмеявшись, Дариен пошел ему навстречу, чтобы обменяться рукопожатиями.

– Нет, только вот думаю, где бы тебя усадить. Я практически здесь не живу, но у меня все есть. Эль, вино, чай, кофе?

– Кофе, спасибо. – Ван оглядел комнату.

Дариен отослал Пруссока на кухню и пояснил:

– Здесь все по-спартански. Когда отец умер, душеприказчик вывез отсюда все бумаги, подтверждающие мое право на титул, а я не потрудился их вернуть. Тут еще были книги, какие-то старые альманахи и еще много чего, но все сгнило, и я приказал Пруссоку их сжечь.

– А почему бы не продать все это? Неплохие деньги...

Дариен усмехнулся:

– Как знать... Рад видеть тебя, Ван.

Тот улыбнулся в ответ.

– Тогда позволь спросить, почему мы не увиделись раньше. Я вот только услышал, что ты вчера был на балу у Йовилов, и сразу к тебе: не знал, что ты в городе.

– Обустроивался. – Это прозвучало как извинение. – Может, пройдем в гостиную? Там, правда, все еще не распаковано.

– Тогда зачем тревожить саван? – Ван уселся в кресло с продавленным сиденьем у холодного камина. – Как поживаешь?

Немного встревожившись, Дариен сел во второе кресло. Ван мог приехать к нему просто по дружбе, в этом не было сомнения, но мог и по делу, имевшему отношение к прошлой ночи. У него были свои связи с «балбесами».

– Очень даже ничего, все под контролем, – ответил он. – А ты? Как жена? Дети есть?

В прошлом году Дариен был несказанно удивлен, узнав, что Ван женился на богатой вдове значительно старше его и стал обладателем поместья, пребывавшего в худшем положении, чем у Дариена.

– Все отлично! – сказал Ван. – Рекомендую и тебе обзавестись семьей.

Прежде чем Дариен смог отвлечься на эту тему, Ван спросил:

– Ты специально избегал меня вчера?

– Напролом и в точку, как всегда. Разумеется, избегал. Я был прокаженным на том празднике жизни, и у меня в мыслях не было заражать тебя.

– Никогда не подозревал тебя в донкихотстве. Но если ты и болел проказой, то теперь исцелился: стал любимчиком герцогини Йовил, – правда, не стал дожидаться, когда тебя увенчают лаврами.

– Чем очень расстроил ее, да?

Брови у Вана дернулись.

– Нет, только слегка озадачил. Зачем?

– Терпеть не могу, когда надо мной рыдают.

– Что в действительности происходит?

Дариена так и подмывало рассказать Вану все, но это продолжалось не больше мгновения. Ему не стоило посвящать друга во все эти подробности, потому что могут возникнуть определенные обстоятельства, до которых Вану вообще не должно быть никакого дела.

– Это мне за грехи. Я ведь все-таки виконт Дариен. Когда полк вернулся в Англию и был задействован в подавлении восстания отчаявшихся ткачей в Ланкашире, я понял, что служба в армии не для меня, и посчитал, что принесу больше пользы, занявшись делами своих поместий. Надо было разобраться с финансами и решить, что вообще делать с собственностью, включая вот это проклятое место.

– Выглядит как исключительно нормальное жилище.

– Ну его к дьяволу! Это логово чокнутого Маркуса Кейва.

– Господи, я так и подумал. Собираешься продать его?

– Я его уже год как выставил на продажу или аренду.

– Никто не отозвался?

– Ни единая душа.

В комнату вошел Пруссок с подносом, на котором стоял высокий фарфоровый кофейник и другая необходимая посуда. Еще виднелось блюдо с разнообразными бисквитами. Интересно, подумал Дариен. В этом доме ничего подобного еще ни разу не попадалось на глаза. К сладкому он был совершенно равнодушен, поэтому несколько не переживал, но придется проверить, сколько тратит миссис Пруссок, в особенности на продукты для слуг, хотя в списке дел это стояло в самом конце. Если надо будет закрыть на это глаза, что ж: так будет дешевле в конечном счете, – а то откажутся от места.

Когда кофе был разлит и Пруссок вышел из комнаты, Ван сказал:

– Значит, в том, что ты унаследовал, было кое-что ценное: тебе повезло больше, чем мне.

Дариен успокоился – беседа не касалась опасных тем. У Вана мог даже быть кое-какой опыт по части управления недвижимостью и знание соответствующих законов.

– Удивлен, да? Самое ценное было распродано несколько лет назад, а три поместья заложены под небольшие проценты. Ими плохо управляли, однако они ежеквартально приносят

доход, которого хватает на самое необходимое, а больше мне и не нужно. Твои фамильные поместья были в ужасном состоянии?

Ван сухо улыбнулся.

– Ушли за долги. Я решил свои проблемы, женившись на деньгах. Тебе бы тоже стоило рассмотреть такой вариант.

Дариен рассмеялся.

– Да разве богатая наследница согласится выйти замуж за Кейва? Мне вообще будет не просто найти вторую половину, а уж состоятельную...

– Глупости! – отмахнулся было Ван, но, подумав, решил, что он прав. – Тогда прошлая ночь – настоящая удача. При покровительстве Дебенхеймов ты скоро обрешь достойное место, и от амбициозных молодых леди не будет отбоя, это точно. А при титуле и вовсе станешь этаким красавцем оленем в сезон охоты.

Дариен снова засмеялся.

– Решил подбодрить меня? Похоже, и сам устраивал охоту, после того как вернулся?

– Зимой провел несколько недель в Мелтоне. Это превратилось в целый мир, замкнутый на самом себе.

Какое-то время они поговорили об этой Мекке охоты на лис, обсудили планы на следующий сезон, затем Ван взял еще один бисквит и как бы между прочим спросил:

– С чего это ты выступил в защиту Дари прошлой ночью?

Дариен понял, что они добрались до вопроса, ради которого Ван и приехал. Интересно почему?

– А что тебя удивляет?

– Я был уверен, что ты ненавидишь Дари всеми фибрами души. В Брюсселе ты избегал его как только мог.

Дариен постарался скрыть свои истинные чувства и как можно беспечнее ответил:

– Мы с ним не ладили в школе, поэтому и хотелось избежать столкновений, тем более перед сражением.

– Мы все старались высасывать до дна радости жизни, пока могли. Дари в этом деле мастак. Что между вами произошло?

– Старая история.

Внимательно посмотрев на него, Ван решил не настаивать.

– Значит, ты проявил великодушие, изменив своим обычаям, чтобы помочь ему. И помог. Теперь он навсегда покончит с зависимостью от опиума, и чем меньше будет груз на его плечах, тем лучше.

Дариен хотел сказать в ответ что-то ядовитое, но он знал многих людей, которые оказались в плену у этого демона после долгих и мучительных страданий.

– Надеюсь, он победит.

Ван кивнул.

– У тебя тоже драка впереди. Ты хочешь быть принятым в лондонском обществе?

– Разве я не заслужил? – с вызовом спросил Кейв.

– Разумеется, заслужил. – По выражению лица Вана было понятно, какие чувства его обуревают. – Как мы можем тебе помочь?

– «Мы»? – удивился Дариен.

– Мы с Марией. Милости просим в гости – она с нетерпением ждет знакомства с тобой.

Дариен сильно в этом сомневался.

– Очень тронут, спасибо, но пока не могу: у меня мало друзей, и не хочется ставить их в неловкое положение.

– Чтобы вместо этого их обидеть? Одному богу известно, какие у нас запланированы общественные мероприятия – это женское дело, – но обязательно приходи к нам на ужин в следующую среду. А до тех пор мы будем оказывать тебе поддержку на всех светских вечерах.

– Твоя жена...

– Она согласится.

– Ты так в этом уверен. Неужели держишь ее под каблуком?

Ван засмеялся.

– Ты даже не представляешь, насколько абсурдна ситуация. Она уже согласилась сделать все от нее зависящее, причем сама предложила.

– Вероятно, твоя жена не вполне понимает, во что ввязывается. Она же вдова торговца, я прав? Иностранного торговца.

Ван опять рассмеялся, откинув голову назад.

– Ты ведь сам ничего не понимаешь. Мария, мой мальчик, урожденная Данпот-Файф. Для тебя это может ничего не значить, но ее имя на самом верху генеалогического древа, уверяю тебя. Мария – кузина герцогини Йовил, и через фамильное древо связана со всеми важными семействами, включая, полагаю, королевские, по меньшей мере в четырех странах. Сейчас она пребывает в особняке своей кузины и разрабатывает планы.

Дариен похолодел. Жена Вана кузина матери леди Теодосии? И все трое находятся в центре сети, которая обладает практически неограниченной властью над обществом? Это открытие было сродни западне: твой отряд наткнулся на солдат без оружия, обрадовался, а в это время на тебя из-за гребня холма сваливается целая вражеская армия.

– Я заверил Марию, что ты отличный парень.

Дариен опустил чашку.

– Ты говоришь так, словно сомневался в этом.

– Но ты ведь себе на уме, – сказал Вандеймен, посмотрев ему прямо в глаза.

– Я всего лишь хочу, чтобы меня приняли в обществе не как нечто экзотическое, а как вполне разумное нормальное человеческое существо.

– Тогда и вовсе не возникнет никаких сложностей. Мой тебе совет: оставь это женщинам. – Ван поднялся. – У меня назначена встреча, но к тебе заедет Мария с правильными приглашениями, которые ты должен принять: рауты и все такое, полагаю. Это просто повод войти в чей-то дом, с кем-то поздороваться, а потом уехать. Для этого потребуются визитные карточки.

– У меня есть. Но как же все это странно и...

Ван отмахнулся:

– И не говори! Столько всяких правил. Но все пэры Англии вынуждены посещать разные сборища, которые нельзя назвать избранными. Есть еще Театры и, возможно, выставки. Когда тебя увидят с Марией, это придаст твоей персоне вес.

– Очень любезно с твоей стороны. – Дариен пытался решить, стоит ли принимать такую помощь.

– Ты все еще боксируешь? – поинтересовался Ван.

– А что? Не терпится схватиться со мной?

– Всегда! – заулыбался Ван. – Это такой род занятий, во время которого ты общаешься с нужными мужчинами. В пятницу вечером? Можем отправиться в «Джексонс».

– С удовольствием.

Ван коротко пожал ему руку.

– Как здорово, что мы снова вместе, Канем! И на этот раз смерть осталась в далеком будущем.

Дариен проводил гостя до дверей, надеясь, что все сказанное им – правда.

Ощущение дружеского участия согрело. В то же время его беспокоило появление новых линий на шахматной доске. Сейчас в игре три королевы, и они могут стать тремя мойрами¹, которые решат, жить ему или умереть.

Быстрая оценка подсказала, что он больше не может воздействовать на ситуацию своими силами: это равнозначно воздействию на трех мойр, – потому вернулся в кабинет и опять занялся малопонятной бумажной работой. Не успел он закончить сравнение двух страниц, как опять раздался стук в дверь.

Что там еще?

На этот раз, как обычно, Пруссок принес послеполуденную почту. Увидев три письма, Дариен понадеялся, что среди них есть от Фрэнка, но нет: одно было от поверенного, другое – от нового управляющего Стаурс-Кортом, его поместьем в Уорвикшире, а третье без обратного адреса.

Сломав печать, он развернул лист бумаги и увидел плохо напечатанную карикатуру. Такие рядами выставляют в книжных лавках. Эта карикатура была ему знакома: такую же, тоже анонимно, Дариен получил во Франции в прошлом году, через неделю после смерти отца и брата.

На ней были изображены два толстяка, растянувшихся на склоне горы, у подножия которой разверзлась преисподняя. Вцепившиеся в их обутые в сапоги ноги бесенята тащат своих жертв вниз. Там, в преисподней, полыхало пламя, а Люцифер и огромный жирный монстр поджидали парочку.

Чтобы ни у кого не было сомнений, кто есть кто, монстр был снабжен подписью «Чокнутый Маркус Кейв», а двое мужчин были обозначены как «Нечестивый Кристиан Кейв» и «Мерзкий виконт Дариен». Наверху, в облаках, расположился Бог с молниями в руках, которые он собирался метнуть вниз. Большими четкими буквами было напечатано «Кейв».

В самом низу имелась подпись, как на картине: «Гнев Божий».

– Прекрасно! – пробормотал Дариен в адрес отправителя. – И пошел к дьяволу тоже!

В главном карикатура была правильной: его отца, шестого виконта, и второго старшего брата – того самого «Нечестивого Кристиана Кейва» – нашли мертвыми на торфяниках рядом со Стаурс-Кортом. Они вышли поохотиться и погибли от удара молнии во время грозы.

Узнав об этом, Дариен никакой скорби не испытал: возможно, досаду, оттого что смерть их была столь бездарной. Свое отвратительное преступление Маркус совершил шесть лет назад, погиб через год, а гнев Божий разразился совсем недавно.

Эту карикатуру опять перепечатали и распространили, но кто за этим стоит? В дверь опять забарабанили, Дариен смял листок с рисунком в кулаке.

– Боже милостивый! Что еще? – взревел Дариен, вскакивая, и тут же вспомнил, что дурные вести всегда приходят третьими.

На пороге стоял Пруссок, и вид у него был еще более страдальческий.

– У вас еще один гость, милорд.

– Ты имеешь в виду, визитер?

– Нет, милорд. Он сказал, что намерен у вас остановиться.

– Кто?..

Но за спиной у дворецкого уже появился тот самый джентльмен, о котором шла речь: огромный, круглый, сияющий, похожий на херувима.

– У тебя прекрасный дом, Канем! – провозгласил Пуп Аппингтон, урожденный Персиваль Артур, бывший лейтенант полка, в котором служил Дариен.

¹ В греч. мифологии три дочери Зевса и Фемиды, богини судьбы: Клото прядет нить жизни, Лахесис распределяет судьбы, Атропос в назначенный час обрывает жизненную нить. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Родители мечтали вырастить воина и отправили его в армию, когда мальчику еще не исполнилось двенадцати. Каким-то чудом юноша от корнета дослужился до лейтенанта под началом капитана Кейва.

Прозвище Пуп он получил еще в школе, но перспектива превратить его из щенка в пса не вызвала ни в ком сопротивления.

Наверное, поэтому Дариен не попытался отделаться от него, а помог уцелеть во время войны на Пиренеях, потом во Франции, пережить фальшивый мир, пройти через Ватерлоо. У всего этого были несчастливые последствия. Пуп стал преданным, как щенок. Дариен решил, что избавился от него, когда в конце прошлого года молодой человек унаследовал капиталы отца, однако он не ушел из армии и был предан, как всегда.

Когда продал свой офицерский чин, Дариен решил, что перерезал пуповину, тем более что Пуп в то же самое время отправился оформлять свое скромное наследство. Так что, черт возьми, он делает здесь?

– Спасибо, Пруссок, – растерянно поблагодарил слугу Дариен.

Когда тот сделал шаг в сторону, чтобы обойти гостя, открылся вид на изумительный жилет, который обтягивал круглый живот Пупа. Его украшал пейсли – шотландский орнамент желтого и синего цветов. Пуп был одет сокрушительно, по последней моде, что включало воротник, который подпирал уши, и огромный галстук, который по идее должен был изображать завихрение водопада, но вместо этого напомнил Дариену вилок цветной капусты.

– Что ты здесь делаешь, Пуп?

– Понемногу осваиваюсь в Лондоне, – ответил молодой человек. – К тому я подумал: у Канема есть свой дом, но нет ни жены, ни семьи, а стало быть, ему нужна компания.

Сияющий вид гостя подтверждал его уверенность в своей правоте.

Вот уж действительно, дурные вести всегда приходят третьими.

– Тебе здесь не понравится, Пуп. Я персона нон грата.

– Персона... чего?

– Тот, кого нигде не принимают, никуда не приглашают. Никаких тебе вечеров, балов, вообще ничего. – Черт, он начинает говорить, как Пуп. – Тебе удобнее остановиться на постоялом дворе или в гостинице.

Свободный, ничем не связанный Пуп – в Лондоне!

Черт возьми дважды!

– Все прекрасно, Канем! Это лучше, чем ордер на постой, да?

Почему, дьявол побери, он не дал Пупу утонуть в Луаре, когда был такой шанс? Дариен продолжал готовить другие аргументы, когда раздался очередной стук в дверь.

– Заходи! – крикнул он во весь голос.

Это уже ни в какие рамки! Раньше такого никогда не бывало.

Вошел Пруссок и принес единственное письмо – на сей раз на подносе и с выражением почтительности.

– От герцогини Йовил! – объявил он таким громким голосом, что наверняка услышали в доме по соседству.

Дариен взял письмо, уступая велению судьбы, сломал огромную, с крестом печать, развернул лист дорогой бумаги и прочитал теплую фразу с благодарностью за помощь ее сыну.

Нет никакого четвертого раза! Вместо этого – первый шаг к победе.

– Герцогиня, да? – фыркнул Пуп. – Это ты так пошутил насчет какого-то там грата? Канем Кейв, каков он есть. Это значит – дорогой гость везде! Какую комнату мне занять?

Возможно, то было ощущение эйфории от маленькой победы, или он просто не мог выкинуть за дверь этого луноликого, но Дариен не стал возражать. Пуп может занять бывшую комнату Маркуса. Даст бог, его аура разрядит напряженную атмосферу и распугает призраков.

Дариен подхватил саквояж Пупа и пошел вверх по лестнице, а молодой человек последовал за ним, без видимых усилий водрузив на плечо свой сундук.

- Еще не обзавелся камердинером, Пуп?
- Был один, но так меня запугал, что я его выгнал.
- Пользуйся услугами моего: не запугает, но пьет.

Когда Дариен опустил саквояж на пол, у него возникла идея. Возможно ли нанять секретаря для мужчины, как нанимают пожилых дам, чтобы контролировали каждый шаг юных леди? У молодых людей во время путешествий тоже есть сопровождающие. Что если и у Пупа будет этакий камердинер и наставник в одном лице, чтобы руководить продвижением по жизни?

Главное, чтобы это был правильный человек, который не станет пользоваться воспитанником для своей выгоды. Такого вполне может знать Вандеймен. Или его многоопытная жена.

Он уже повернулся, намереваясь уйти, но Пуп вдруг спросил:

- Итак, что будем делать?
- У меня сейчас куча бумажной работы: оформляю наследство, то-се...
- Тогда вечером. Я хочу навеститься в лондонский бордель, причем в самый лучший.

Дариен покачал головой и, на миг прикрыв глаза, пообещал:

- Мы пройдемся и осмотрим окрестности.

Дариен отправился в гостиную, решив, что пора придать ей жилой вид. Приподняв белое покрывало, увидел старомодную тяжелую софу под стать такому же древнему ковру. Стены были выкрашены в депрессивный цвет буйволовой кожи, но, наверное, если приложить некоторые усилия, комнату можно превратить в более презентабельную.

Ему стало интересно, когда в последний раз ею пользовались. Чтобы отец собирал здесь гостей для амуров, можно было представить с трудом, а мать перестала приезжать в Лондон вскоре после замужества, потому что была не в силах растопить арктический лед высшего общества, отвергшего ее. Сам он никогда здесь не бывал: перед тем как отправиться в школу, его держали в Стаурс-Корте.

А его бабка? Так же маловероятно. Она возбудила иск о раздельном проживании с мужем по причине его невыносимой жестокости и добилась своего, так что ее власть здесь закончилась в самом начале замужества, то есть очень, очень давно.

Его заинтересовали картины на стенах, укутанные в полотна, и он сбросил одно. Под ним оказался тусклый пейзаж с остроконечными горами и маленькими фигурками людей на их фоне. Под другим открылось изображение женщины с бледным лицом, одетой по моде прошлого века. Наверное, портрет его бабки до того, как она вырвалась из ада.

А нет ли тут портрета его матери? Он ее совсем не помнил. Дариен начал раскрывать картины одну за другой и наткнулся на портрет отца.

Это было вполне приличное полотно, написанное маслом, изображавшее мужчину лет тридцати с грубыми чертами лица. Портрет, вероятно, был написан в то время, когда отец унаследовал титул, задолго до женитьбы. Если художник польстил объекту, помоги им господь всем!

Но даже тогда тяжелое лицо мерзкого виконта было бугорчатым и красным, нос – раздутым, каштановые волосы – редкими. Подбородок свисал на криво повязанный галстук, а круглый живот выпирал из-под светлого жилета, пуговицы на котором того и гляди с треском оторвутся. И все равно он сидел, широко расставив ноги, абсолютно уверенный в своей власти.

Глядя на портрет, Дариен вспомнил, как отец выглядел в жизни уже стариком: те же дряблые красноватые губы, те же мешки под жестокими глазами, которые, казалось, пронизывали взглядом и сейчас и словно говорили: «Думаешь, ты лучше меня, парень? Ты тоже Кейв, и никто об этом не забудет».

- Это кто?

Дариен вздрогнул. Конечно, Пуп отправился следом за ним. Он когда-нибудь угомонится?

– Никого не напоминает? – спросил Дариен.

Пуп остановился перед картиной.

– А кого? Возможно, принца-регента немного. Помнишь, как он проводил смотр полка в прошлом году?

Дариен расхохотался. Иногда Пуп может оказаться весьма кстати. Отыскав крепкий стул под покрывалом, он распаковал его, передвинул к стене и с помощью Пупа снял тяжелую картину. Под ней обнаружился квадрат светло-желтого цвета. Пусть это будет добрым знаком!

Дариен перетащил портрет в прежнюю комнату отца и закрыл туда дверь. Пуп топтался у него за спиной, явно намереваясь еще подвигать мебель, но он сказал, что ему нужно работать, и отправился к себе в кабинет.

Тем не менее на душе у него стало легче. Целую вечность такого не было. Свою лепту внесли Ван, письмо герцогини и даже Пуп.

Воодушевленный, как и Пуп, он сейчас совершенно не соответствовал репутации Кейвов, а потом вспомнил кровь на крыльце и «Гнев Божий». Кейв-хаус не место для невинной души. Надо будет скорее разрешить ситуацию с Пупом.

Он снова углубился в бумаги, однако суть изложенного в них не доходила до ума, и он, откинувшись на спинку стула, задумался.

Письмо герцогини свидетельствовало, что леди Теодосия ничего не рассказала матери о том, что произошло. Следовательно, она должна бы согласиться пройти через все, что связано с их сделкой, хотя полной уверенности не было.

В особенности после того поцелуя.

Стало быть, придется как следует подготовиться к предстоящей встрече с Великой Недотрогой.

Он рассмеялся: ну и прозвище! Такое же дурацкое, как Бешеный Пес.

Глава 11

Остаток среды Тея провела в страхе перед внезапным появлением Кейва и, в противоречии с логикой, беспокоилась, что встретит его на ассамблее в «Олмаке». Разумеется, даже ему было не под силу запугать проклятых патронесс, поэтому она расслабилась и решила получать удовольствие от обыкновенного вечера: болтала с подругами, не пропускала ни одного танца, в пятый раз отказала лорду Авонфорту. Но у нее было такое чудесное настроение, что, если бы не уговор с Кейвом, приняла бы его предложение. Тея не собиралась обручаться с виконтом, но согласиться сейчас выйти замуж за кого-то еще все-таки немного чересчур.

По какой-то причине Авонфорт решил воспользоваться случаем, чтобы настоять на своем.

– Ну почему нет, Тея? Ты же не станешь отрицать, что мы идеально подходим друг другу.

– Да, – искренне согласилась с ним, как обычно, Тея.

Молодой человек и правда был хорош собой: с каштановыми волосами, стройной фигурой, он был известен всему высшему обществу как истинный джентльмен, следовавший моде и умевший одеваться самым изысканным образом. Жил он в великолепном особняке, а поместье его находилось недалеко от Лонг-Чарта. Она знала его всю свою жизнь, любила его мать и двух сестер, младшая из которых – теперь леди Кингстабл – была ее лучшей подругой.

– Я пока не могу взять на себя такие обязательства, Авонфорт. Ведь Дари...

– Он сам помолвлен, Тея, а потому ни в коем случае не станет возражать, если мы сделаем то же самое.

– Я не об этом. Просто мне нужно немного прийти в себя, прежде чем принять столь важное решение.

– Сколько это займет времени?

«Вот же настырный!» – подумала Тея. Так и хотелось отрезать: «Вот рак на горе свистнет...» – но вместо этого она сказала:

– Месяца полтора.

Это был срок, который лорд Дариен объявил ей, и не важно, как все сложится.

– О боже! – воскликнул денди. – Это же целый сезон!

– А я и хочу насладиться целым сезоном. Летом подробно поговорим об этом в Лонг-Чарте.

Авонфорт нахмурился, но Тея поняла, что он воспринял ее слова как гарантию согласия. Возможно, он и прав, но ее это только разозлило. А еще ей страшно хотелось покончить с ситуацией, которая сложилась с этим мерзким виконтом.

Утром в четверг она спросила у матери, что удалось разузнать мистеру Торесби, но тот пока не представил отчет.

На случай, если вдруг Кейв явится с визитом, она решила отправиться навестить Мэдди.

Кузина только-только встала и еще не переделалась в утреннее платье, но едва взглянув на нее, тут же спросила, словно других мыслей в голове не было:

– Ты уже виделась с лордом Дариеном?

Снимая уличную накидку, Тея инстинктивно солгала:

– Нет.

– Я тоже нет, но вчера вечером Кэролайн Кемберли сказала, что он вылитый Конрад, до кончиков ногтей! Выпей шоколаду.

Она крикнула горничной, чтобы та принесла еще одну чашку.

– Конрад? Какой Конрад?

– Корсар!

– А, Байрон, – сказала Тея, усаживаясь: поэма лорда Байрона «Корсар» тогда была у всех на устах. – Чем именно похож?

– В первую очередь манерами. – У Мэдди под рукой оказалась тоненькая книжечка, и она открыла ее на заложенной странице. – Слушай!

Загадочен и вечно одинок —
Казалось, улыбаться он не мог...

– Разве это не чудесно?

Было похоже, но Тея не согласилась:

– Звучит не очень-то привлекательно.

– У тебя в душе нет никакой романтики. Я умру, если не познакомлюсь с ним! Жаль только, что он нигде не появляется. Маман заявила, что его вышвырнут, если он осмелится.

Это не было секретом, поэтому Тея возразила:

– А моя, напротив, намерена восстановить его репутацию в обществе, поэтому у тебя появится шанс.

– О, прелесть! – воскликнула Мэдди и процитировала новый пассаж:

Постиг он приказаний волшебство,
И с завистью все слушают его.
Что верностью спаяло их, реши —
Величье мысли, магия души!

– Магия души! – прижимая книгу к груди, повторила девушка. – Представь, каково это: оказаться без сил перед человеком с непреклонной волей.

– Ужас полный! – не согласилась с ней Тея.

– Ты просто невозможна!

Вернулась горничная с чашкой на блюде, и Мэдди наполнила ее шоколадом.

– Как жалко, что он безобразен.

– Дариен? Я бы не сказала... – Тея прикусила язык, и подруга не заметила ее оплошность.

– О, Конрад! – воскликнула Мэдди и процитировала еще отрывок:

Несхож с героем древности, кто мог
Быть зол как демон, но красив как бог, —
Нас Конрад бы собой не поразил,
Хоть огненный в ресницах взор таил.²

Стараясь не рассмеяться, Тея отпила шоколаду.

– Бог – это старик с седой бородой?

– Нет: Аполлон, Адонис!

– Нептун с водорослями вместо волос?

Мэдди запустила в нее диванную подушку.

– Нельзя же верить всему, что говорит Кэролайн. – Тея поймала подушку и отложила в сторону. – Мне кажется, лорд Дариен не в твоём вкусе.

– У него огненный взор! – упрямо заявила Мэдди.

– У лорда Дариена? Кошмар какой!

² Отрывки из поэмы «Корсар» Дж. Г. Байрона (1788–1824) приведены в пер. Г. Шенгели. – *Примеч. пер.*

– Настоящий Конрад, начиная с черных глаз. У Дариена такие же. Я должна познакомиться с ним, и как можно скорее. Обещай, Тея, если узнаешь, что он намерен появиться на каком-нибудь вечере, предупреди меня!

– Вообще-то, Мэдди, его лучше оставить в покое.

Она взяла книгу. Как любая другая молодая леди, она знала поэму почти наизусть, и ей потребовалось несколько секунд, чтобы найти нужное место:

Он взором сам умел пронзать насквозь
С усмешкой дьявольскою на устах,
Чья ярость скрытая рождает страх;
Когда ж в нем гнев вздымался невзначай,
Вздыхало Милосердие: «Прощай!»

Мэдди не забеспокоилась, не испугалась, а лишь вздохнула:

– О! Восхитительно!

Тея захлопнула книгу.

– Ты на пути в Бедлам.

– Как это замечательно – сойти с ума!

Выдержав еще полчаса бредовых речей кузины, Тея попрощалась, но в голове у нее все крутился тот отрывок из поэмы. Он казался очень уместным. Это был человек, в котором она рассчитывала увидеть силу разума? Человек, у которого была причина – не важно, что давняя и не вполне правдивая – ненавидеть ее семью?

Вернувшись домой, она столкнулась с матерью в коридоре наверху.

– Как там Мэдди? – поинтересовалась герцогиня.

– Сходит с ума по «Корсару».

Леди Йовил оперлась рукой о стену.

– Только не говори, что она связалась с пиратом!

Тея засмеялась.

– Нет, конечно. Это поэма Байрона.

Герцогиня пришла в еще большее смятение.

– Лорд Байрон вернулся?

– Я о поэме. Не о поэте, мама. Конрад, Медора, Гюльнар, гаремы...

– А, это... Сплошная глупость, а не поэма. – Герцогиня продолжала говорить, провожая дочь до дверей спальни. – Медора была в полном праве заявить, что у ее мужа достаточно денег, чтобы оставаться дома и наслаждаться семейной жизнью. Зачем ему нужно было вновь отправляться в море и заниматься разбоем?

– Потому что мужчины терпеть не могут бездействие, им нравится опасность.

– Это правда. Ты слышала, что Кардью Фробшер серьезно пострадал, когда попытался перелезть через стену, чтобы проникнуть в Тауэр?

– Ради всего святого, зачем?

– Вот именно: зачем, если в Тауэр открыто несколько ворот? И это после того, как он остался жив на войне, получил всего пару царапин. Бедная его мать!

– Я всегда думала, что Медора сделала большую ошибку, пытаясь завлечь Конрада вечерами с музыкой и чтением, – сказала Тея. – Ей бы это удалось быстрее, если бы то были обильные ужины с возлияниями в мужской компании и после охоты.

Герцогиня рассмеялась.

– Какая у меня мудрая дочь! Ты станешь прекрасной женой любому джентльмену. Я вчера видела тебя с Авонфортом...

Она многозначительно замолчала, и Тея ответила:

– Да, он опять сделал мне предложение, но пока я не готова, мама.

– Ну да, ты говорила, что заслужила один легкомысленный сезон, прежде чем остепениться.

Но слова герцогини расходились с выражением глаз, в которых отчетливо читалось – тоже! – что сватовство – дело решенное.

У двери спальни дочери она спросила:

– Поедешь со мной в город сегодня?

Тея понимала, что во время утренних визитов встреча с Дариеном весьма маловероятна, но оставаться дома все же безопаснее. Если родители уедут, то она просто откажется его принимать, когда вдруг пожалует.

– Я лучше помузицирую, – сказала она. – Мне хочется сыграть завтра после ужина новую пьесу.

– Ах как это мило, дорогая!

Упомянув о званом ужине, Тея не могла не подумать о Дариене и о возможной встрече с ним, но музыка отвлекла, ровно до того момента, как возвратилась мать после визитов к своим светским знакомым. Все еще одетая, с порога она раздраженно заявила:

– Как это все надоело! Сколько несправедливых слов в адрес Дариена! Я пыталась смягчить их как могла, но ведь мне пока невозможно открыто выступить в его поддержку.

– Полагаю, да.

– Феба Уилмот покинула Лондон. Никогда тихий, частный отъезд не приобретал такого резонанса.

– Не надо ее осуждать, мама. Встретить Дариена для нее чрезвычайно болезненно.

– Наш лорд Дариен не несет никакой ответственности за смерть ее дочери. Пойдем ко мне, я переоденусь во что-нибудь более удобное, и тогда все обсудим. Даже мерзкого виконта не обвиняли в смерти Мэри Уилмот, – продолжила она по пути в свою спальню. – Так скоро родителей начнут обвинять за грехи детей. К несчастью, они к тому же оказались соседями.

Тея не расслышала.

– Кто оказался соседями?

– Дариен и Уилмоты. Мне кажется, если их дома разделяет площадь, это не вполне соседство.

– Кейв-хаус стоит на той же площади?.. – Тея от удивления открыла рот. – Это же невыносимо!

– Феба выносила вид этого дома несколько лет, – входя в комнату, заметила герцогиня с несвойственной ей резкостью.

– Но там никто не жил, – возразила Тея, – а теперь она каждый день могла столкнуться с одним из Кейвов.

Пока горничная помогала ей избавиться от шляпки и накидки, герцогиня сказала:

– В Лондоне Мэри Уилмот вообще не должна была выходить из дому поздно вечером. Мне кажется, она подумала, что садик на площади – место безопасное, потому что ключи от него имелись только у проживавших по соседству. Ах да. – Она взяла в руки сложенные листы бумаги. – Мистер Торесби представил предварительный отчет.

– И что там? – спросила Тея, ощутив зуд в пальцах от желания добраться до него.

– О, все как обычно: обучение на дому, потом Харроу, потом, конечно, армия. Я больше всего разозлилась на Веллингтона.

Тея удивленно посмотрела на мать.

– Почему?

– Не поверишь – это благодаря ему Дариена прозвали Бешеным Псом. К счастью, это прозвище не стало общепринятым. Только подумай: беднягу Фаззи Стейсикьюма прозвали Лохматым Псом из-за того, что в юности у него волосы росли, как им вздумается, зато сейчас он

абсолютно лысый. И вот Вольф Волвертон – у него тоже была кличка, хотя он вообще истинный джентльмен, каких поискать. А Джек Миттон! Хотя... – Герцогиня задумалась и добавила: – Безумным того прозвали не зря.

– Мама! Давай вернемся к отчету. Там есть что-нибудь порочащее Кейва?

– Вообще-то нет. Хочешь, прочитай сама. – Она передала листы дочери. – Дариен мало занимается своими поместьями, но он не так давно уволился из армии. Уверена: когда он более-менее устроится, станет уделять им больше внимания. Не сомневаюсь также, что он выдвинется в парламент и в местную администрацию, возможно, захочет занять пост в Королевской конной гвардии, учитывая, что у него есть военный опыт.

Тея ушла к себе, чтобы прочитать отчет без помех. Ей показалось, что нужно предостеречь Дариена не спешить брать на себя слишком много обязательств, но в то же время должным образом представиться ее семье.

Оказавшись в своей комнате, она просмотрела бумаги. Плотные исписанные страницы включали в себя счета и изображение фамильного дерева. Оно не было разветвленным: четверо сыновей в ряду Дариена, двое – в ряду его отца, и один в ряду деда.

В некоторых семьях увеличение количества потомков можно было рассматривать как прогресс, но не в случае с Кейвами.

Его мать, итальянку, звали Магдалена де Ауриа, и все, больше о ней не было ни слова. Она умерла, когда ее младшему сыну Фрэнсису Анджело исполнилось три года. Значит, Дариену в ту пору было семь. Его полное имя Горацио Рафаэло. «Ангелы, – усмехнулась Тея. – Сатана и Люцифер подошли бы больше».

Старший сын был назван в честь римского императора и философа Марка Аврелия – Маркус. Потом возник прилив оптимизма – второй сын стал Кристианом, а если полностью, то Кристианом Микеланджело.

Какое необычное желание подвигло дать такие имена? А какое желание скрывалось за ее именем? Теодосия – Дар Бога.

Она отбросила эти мысли и углубилась в чтение.

Торесби обнаружил, что Горацио Кейв был исключен из Харроу за драку, но ни слова о причине, как совсем ничего о Дари и о Канем Кейве. Здесь были данные об армейской карьере Дариена и десятилетнем продвижении от звания корнета до чина майора. Его быстро повысили до лейтенанта после сражения, в котором старшие офицеры его полка были убиты или ранены. Корнет Кейв взял командование на себя и успешно повел людей в атаку.

Тея сообразила, что на тот момент ему было шестнадцать лет.

Она без труда поверила в эту историю и в другие подобные ей: про храбрость, решительность и умение вести за собой. Тея была бы полна восхищения, если бы объектом атаки этого жуткого человека не стала ее семья.

Она задержалась на инциденте с участием Вандеймена. Судя по всему, получилось так, что они с Кейвом во главе небольших отрядов неожиданно оказались в глубине вражеских порядков. Объединив силы, они с лихостью и куражом выиграли короткий бой и взяли в плен трех французских офицеров, а еще захватили сундук с золотом.

Потом Тея ознакомилась с информацией о состоянии дел Дариена. Он владел тремя поместьями: главное, Стаурс-Корт, находилось в Уорвикшире, второе, Гриншоу, – в Ланкашире, и третье – Балликилнек – в графстве Каван в Ирландии. О последнем мистер Торесби сообщал лишь только то, что арендные поступления от него весьма незначительные. Дела в Гриншоу были запущены, когда им управлял Маркус Кейв.

Чокнутый Маркус умер пять лет назад в Бедламе: этого времени достаточно, чтобы разобраться с состоянием дел, – но, вероятно, поместье традиционно являлось наследуемой собственностью, поэтому перешло к следующему брату – Кристиану, у кого было единственное преимущество перед умершим: он оставался в здравом уме. Кристиан погиб год назад от удара

молнии вместе с отцом. Мать говорила, что Дариен вступил в права наследства год назад, несмотря на то что совсем недавно уволился из армии.

Все земли в Стаурс-Корте были сданы в аренду и обрабатывались, Дариен к тому же недавно назначил нового, более деятельного управляющего, который сразу же приступил к улучшению состояния поместья. Дом требовал капитального ремонта, иначе мог рухнуть.

Последний раздел был посвящен Кейв-хаусу. По осторожности, которую проявил Торесби, было понятно, что он не знал, как подступиться к столь щекотливой теме. Секретарь матери явно решил, что не имеет смысла перечислять зловещие детали убийства и вместо этого указал адрес здания и приложил план площади с террасами домов на каждой стороне и огороженным частным садиком в центре.

Вертикальная проекция и поэтажные планы показывали, что это типичный жилой дом, однако Тея принялась внимательно вглядываться в них, словно они давали возможность заглянуть, как через замочную скважину, в жизнь Дариена. Наконец опомнившись, она сложила бумаги. В них не оказалось ничего шокирующего, но Тею это не убедило. Торесби так и не удалось узнать, что случилось в Харроу. Что еще он пропустил? Ее не удивило, однако, когда мать подтвердила, что отправила Дариену приглашение на ужин.

Наконец-то у Теи будет один вечер ничем не замутненного удовольствия. Музыкальные вечера у Рейбернов были одними из ее самых любимых мероприятий сезона. Публика всегда подбиралась очень тщательно, тут не могло случиться толпы: музыка будет роскошной. В этом году предполагалось пригласить хор мальчиков из Вестминстерского аббатства. Что было бы просто замечательно!

По дороге они заехали на два раута, и, проходя через заполненные гостями анфилады комнат, выполняли свои светские обязательства. До конца сезона оставалось не так много времени, поэтому важно было отдать дань как можно большему количеству мероприятий. Раут миссис Колфорд оказался не таким людным, зато у леди Недерхолт было не протолкнуться. Тея отошла от родителей в сторону, и благословенная анонимность была бы легко достижима, если бы не наткнулась на Алесию де Рос.

Та схватила ее за руку и прошептала:

– Посмотри, вон там этот Бешеный Пес!

Глава 12

Украдкой брошенный взгляд подтвердил, что Алесия права: Дариен действительно беседовал с четой Вандеймен. Если родители заметят их, то непременно подойдут.

Все трое выглядели вполне довольными, но даже в толпе вокруг них образовалось небольшое пространство пустоты. И этот человек рассчитывал, что она будет стоять рядом с ним в такой опасной изоляции?

– Его называют «Канем Кейв», – шепотом сказала Алесия. – Это означает «Бешеный Пес».

– Нет, не так. Самый близкий по смыслу перевод «Берегись собаки!».

– Не будь так педантична, Тея: это практически одно и то же. У меня от одного его вида бегут мурашки по телу. О боже! Он смотрит в нашу сторону.

Тея совершила ошибку, обернувшись, и взгляды их встретились.

– Тогда просто не оглядывайся, – посоветовала она юной леди. – Я должна идти...

Но тут к ним присоединились сестры Фортескью.

– Мерзкого виконта обсуждаете? – шепотом спросила Сесили.

– Ужас, правда? – добавила Кассандра, глаза которой сияли от возбуждения. – Мы не станем придумывать причину, а просто подойдем к ним.

– Подойдем? – ахнула Алесия. – Да его вышвырнуть отсюда нужно!

– Но он вместе с Вандейменами, – возразила Кассандра. – Леди Недерхолт не станет оскорблять их.

– Он выглядит лучше, – заметила Алесия. – А вот леди Вандеймен...

Тея прервала ее холодно:

– Должно быть, мне стоит напомнить вам, что Мария Вандеймен моя родственница.

Алесия залилась краской.

– Я должна идти, – заявила Тея, чтобы поскорее избавиться от этой грязи. – Мои родители собираются уходить.

Если еще не собрались, то соберутся скоро. Этот человек опасен. Из-за него может пострадать репутация Марии, он стал причиной размолвки Теи с подругами.

Кассандра Фортескью остановила ее.

– Куда вы дальше собираетесь?

Она обернулась.

– К леди Рейберн. А вы?

За сестру ответила Сесили:

– А мы к леди Лессингтон.

Махнув на прощание рукой, Тея нашла глазами мать. Та стояла невдалеке, обмахиваясь огромным веером из шелковых перьев, лицо ее было красным.

– Какая здесь жара! – заметила герцогиня. – Но Пенелопа Недерхолт будет в восторге от такой давки. А вон и твой отец. Давайте-ка уйдем отсюда.

Пока они двигались в потоке покидавших вечер гостей, Тея поблагодарила Небо за то, что уходит, но поняла: присутствие этого человека не оставляло ее.

Со всех сторон только и слышалось:

– Дариен...

– Кейв...

– Уилмот...

По напряженной улыбке матери было понятно, что она тоже слышит это бормотание, но людской поток нес их к лестнице. Когда они уже были у цели, вдруг послышалось:

– Герцог! Герцогиня! Вы тоже уходите?

Родители обернулись, и ей пришлось последовать их примеру. У них за спиной, практически впритык, стоял Дариен. Ему это удалось, потому что гости, расступаясь, пропускали его вперед, или, вернее, старались избежать с ним контакта. Если он это и заметил, то не подал виду.

– Такая толкотня, – с улыбкой заметил Дариен. – Вечер у Рейбернов станет большим облегчением.

– Вы тоже собираетесь туда, виконт? Давайте поедem вместе в нашем экипаже.

Тее хотелось зажать матери рот рукой. Но как этот изгой смог получить приглашение на раут?

– Да стоит ли? Это всего в нескольких улицах... – заколебался Дариен.

– Можете прогуляться, конечно. Только ночные улицы очень небезопасны. – Герцогиня говорила немного громче, чем необходимо, в полной уверенности, что те, кто находился вокруг них, услышат, даже игриво пару раз стукнула Дариена по руке веером. – Впрочем, вам ли переживать из-за этого после участия в стольких сражениях.

– Напротив, герцогиня. Пережить Наполеона и пострадать от руки уличного разбойника было бы нелепо.

Герцогиня засмеялась, даже герцог улыбнулся. Тея не могла определить, сколько народу слышало их обмен репликами, но каждый мог бы оценить хороший юмор и, возможно, засомневаться в своем отношении к виконту.

– Не думаю, что вы знакомы с моей дочерью, – тепло улыбнулась герцогиня. – Тея, это виконт Дариен, тот самый, что был так добр к Дари. Дариен, это леди Теодосия.

Девушка почувствовала себя так, словно споткнулась в танце, и, слегка запоздав с реверансом, неловко улыбнулась.

У него замерцали искорки в глазах: он явно наслаждался ее замешательством, – затем ситуация стала еще хуже. Когда они спускались по лестнице, им пришлось разделить на пары, и оказалось, что она пойдет рука об руку с единственным мужчиной в Лондоне, которого ей отчаянно не хотелось видеть. Дариен предложил руку, и ей пришлось опереться на нее. Она не могла понять, что хуже – чувствовать исходившую от него силу или испытывать совершенно новые ощущения, когда все общество пялилось на нее с ужасом в глазах.

Тея старалась улыбаться и держаться свободно, насколько это было возможно.

– Рейберны пригласили выступить хор мальчиков из аббатства, милорд. Вы уверены, что такая музыка вам придется по сердцу?

– Непристойные пьяные песни подойдут мне больше. Вы это хотите сказать?

Она бросила взгляд в его сторону.

– Или опера, учитывая вашу итальянскую кровь.

– Какая постыдная штука – итальянская кровь.

Тея почувствовала, как у нее загорелись щеки: именно это она и имела в виду, – но удовольствия не испытала.

– Мне не довелось часто бывать в опере, а вот балет посещал и высоко ценил балерин.

– Не сомневаюсь в вашей искренности, милорд, но только эта не та тема, которую джентльмен может затрагивать в компании леди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.